

Вестники времен

Андрей Мартьянов

Низвергатели легенд

«Лениздат»

1999

Мартьянов А.

Низвергатели легенд / А. Мартьянов — «Лениздат»,
1999 — (Вестники времен)

Ричард Львиное Сердце – самый доблестный воитель эпохи. Тогда почему у него постоянно нет денег? Принцесса Беренгария из Наварры – самая прелестная невеста Европы. Тогда почему английский король не хочет на ней жениться? Королева-мать Элеонора Пуату – умна и опытна. Но почему же Британия нищает с каждым днем и Третий Крестовый поход под угрозой срыва? Сицилия – отдаленный и маленький остров в Средиземном море. Но отчего он стал причиной кровавых раздоров между великими европейскими королями? Граф Конрад Монферратский – добрый католик. Но почему он водит дружбу с мусульманином – знаменитым султаном Египта Салах-ад-Дином? Двенадцатый век не сумел бы ответить на эти вопросы самостоятельно. Однако в predetermined ход истории раннего Средневековья вмешались непредусмотренные летописцами авантюристы: нормандский рыцарь сэр Мишель де Фармер и его загадочные оруженосцы – Гунтер фон Райхерт и Сергей Казаков... История столетия великих битв и загадочных интриг – перед вами!

© Мартьянов А., 1999

© Лениздат, 1999

Содержание

Джарре: прелюдия	6
Часть первая	11
Глава первая	12
Глава вторая	23
Глава третья	34
Дуновение Ханаана[3] – I	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Мартьянов

Марина Кижина

Низвергатели легенд

Выражаются благодарности всем, кто так или иначе помогал мне в создании этой истории – прежде всего незаменимому соавтору Марине Кижиной и господину главному герою, которого я могу наблюдать живьём, записывая его действия практически с натуры. Большое спасибо советчикам и консультантам, знакомым и незнакомым людям, вовремя подсказавшим правильные слова и мысли.

Я безмерно признателен неким двум прекрасным дамам, кои в летнюю жару 1999 года (дело происходило в неприметном кафе на ВДНХ) спровоцировали написание романа таким, какой он есть, и добавили в него определенное количество важных строчек.

В тексте использованы стихи Лоры Бочаровой, Евгения Сусорова, Николая Гумилева, Иосифа Бродского. Спасибо им.

А. Мартьянов

И пойдет меч на Египет, и ужас распространится с Ефиопии, когда в Египте будут падать пораженные, когда возьмут богатства его и основания его будут разрушены; Ефиопия и Ливия, и Лидия, и весь смешанный народ, и Хуб, и сыны земли завета вместе с ними падут от меча.

Иезекииль, 30: 4,5

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч.

Евангелие от Матфея, 10: 34

«Король Ричард, хотя и принадлежал к породе воителей, не мог стать великим завоевателем. У него не было для этого нужных человеческих качеств...

...Не раз страсти и гордыня толкали его на предприятия, обреченные на провал. Ричард Львиное Сердце завоевал репутацию отважного рыцаря. Однако настойчивость он подменял упрямством, выдержку – физической выносливостью, стратегию – тактикой. Он ничего не добился, но разорил собственную страну, победил во множестве битв и поединков, но не выиграл ни одной войны».

И.В. Можейко. «1185 год».

Джарре: прелюдия Русский, немец, француз и мафия

Сицилия.

Один из дней конца сентября 1189 года.

Кувшин летел медленно, по параболической траектории, переворачиваясь в воздухе и плюясь каплями красного вина, оставшегося на доньшке к моменту взлета. Поступательную силу для движения глиняному сосуду сообщила рука человека, уверенного, что оно вместилище благополучно минует все преграды и достигнет цели, поразив объект в наиболее уязвимое место, а именно – голову. Голову королевского сержанта, каковой представлялся наиболее опасным противником из-за своего громадного роста и меча, более напоминавшего заточенную рессору пятитонного грузовика.

Век двенадцатый, слава Богу, пока не обогатился понятиями о средствах противоздушной обороны, и тяжелый снаряд примерно через семь десятых секунды вошел в соприкосновение с бычьим лбом дюжего сержанта, на чьей синей тунике красовались нашитые лилии Капетингов. Раздался неслышный в общем гаме хлопок и черепки кувшина разлетелись в стороны, поражая по касательной французских солдат, обступивших командующего операцией здоровяка. Последним вреда причинено не было, однако они еще пуще разобиделись.

Далее трактирная артиллерия начала использовать все, что подворачивалось под руку. Особо драгоценным вооружением являлись громоздкие деревянные кружки, обладавшие прямо-таки фатальной убойной силой, и металлические лампы. Когда боезапас иссяк, стало ясно – впереди грядет бой в прямом контакте с неприятелем и использованием оружия ударно-дробящего действия, то бишь отломанных ножек столов, деревянных сидений лавок и, возможно, черенков погасших факелов.

Ушедшие на время обстрела в глухую оборону французы нехорошо заулыбались. Во-первых, на их стороне имелся численный перевес и они держали стратегическую инициативу, отрезав вражинам путь к ретираде в сторону двери кабака. Во-вторых, они рассчитывали немедленно провести маленький блицкриг, вынудить противника к безоговорочной капитуляции, а вслед долго использовать право на репарации в виде топтания побежденных ногами и право контрибуции, заключавшееся в изъятии у таковых кошельков, явно тяготивших широкие пояса. Однако победа достается лишь в сражении, и супостаты не подавали вида, что желают поднять позорный белый флаг.

– Kisa, poberegite pensne, – громко высказался на незнакомом языке представитель немногочисленной армии, противостоящей подданным короля Филиппа-Августа, и задумчиво добавил: – Po moemu zvizdets.

Слово «zvizdets» было красивое, быстрое и стремительное, будто полет арбалетного болта. Человек произнес его голосом, в котором утонченно сплелись презрительные и песимистичные интонации – он словно предрекал скорое поражение, но давал понять, что сдаваться на милость победителя нежелательно по многим причинам. Конечно, этот последний и решительный бой окажется безнадежен, как больной проказой на последней стадии. Бить будут долго, больно и изощренно, даже если сложишь оружие, а если нет – грядущая потасовка чревата разбитой головой, сломанным носом, кровью в моче в течении нескольких дней и потерей

уважения к самому себе. Вдобавок, придется компенсировать хозяину таверны все неудобства и разорения – проигравший не только плачет, но и платит.

– Sheisen Gott! – это уже на более понятном наречии. Ругательства со временем не меняются, и каждый, кто хоть раз сталкивался с подданными кайзера Фридриха Рыжебородого, мог понять, что рыжий мессир в кожаном светло-коричневом колете богохульствует: – Срань Господня, они же нас просто задавят! Der Teufel!

На небритых рожах франков нарисовалось понимание и согласие. Задавим. Еще как. Запросто.

Уязвленный кувшином сержант тряхнул головой, будто просыпающаяся собака. Сосуд не особо повлиял на его боеспособность, благо толщина костей черепа у славного воина, на непредвзятый взгляд, превосходила толщину досок кабацких столов раза в полтора. Увидев, что неприятель подавлен и деморализован, бугай демонстративно отстегнул пояс с мечом, бросив его кому-то из своих, и сжал кулаки. Впечатляло. Два эдаких покрытых черной шерстью живых бочонка размером с голову охотничьего мастино. Такие люди нужны Франции! С ними мы выиграем войну в Палестине! Монжуа Сен-Дени!

Хозяин заведения благоразумно укрылся за стойкой и теперь, во время краткого затишья перед бурей, шевелил губами, подсчитывая уже причиненный и возможный ущерб. Сумма получалась немаленькая, однако прибывшие с севера благородные мессеры выглядели людьми обеспеченными. Три или четыре разбитых стола, столько же скамей, посуда, свечи... Плюс еда и вино. Набегает около двух французских ливров. Если, конечно, округлить.

– О нет! – трактирщик внезапно издал стон, шедший из самой глубины его бессмертной души, обуянной неприглядным грехом стяжательства. То, что он увидел, повернувшись к дверям на шум, являлось одновременным воплощением Страшного суда, Апокалипсиса и семиглавого зверя с вальяжно развалившейся на холке сего богомерзкого животного вавилонской блудодейцей.

Ангел, как и предрекал Иоанн Богослов тысячу лет назад, вострубил: ввалились сицилийцы. Не меньше десятка голов. Это грозило полнейшей, грандиозной и чудовищной катастрофой, по сравнению с которой извержение Этны покажется невинным фейерверком на день святого Николая. Если семеро франков без особого труда управились бы с тройкой повздоривших с ними мессиров из Нормандии и благополучно отправились восвояси, то сицилийская mafia¹ разнесет дом вдребезги и пополам! А потом подожжет развалины и попишет сверху! Град и саранча, мор и чума!

Хозяин, направляемый чувством самосохранения, начал планомерный отход к двери в кухню. Сейчас находиться в общей зале стало не просто опасно, а самоубийственно. С интересом наблюдавшие за дракой служки, почуяв запах жареного прекратили ставки на победителя и порскнули прочь, уподобившись напуганным тараканам.

Атмосфера накалилась до такой степени, что у тяжело дышащего сержанта не выдержали нервы. Происходящего за спиной он не видел, и, соответственно, не мог даже предположить, что баланс сил нарушен и в действие вступила третья сторона. Франк издал низкий звук, приличествующий бочке с бродящим вином, и рванулся вперед. И плевать ему, что на нахальных физиономиях троих негодяев, посмеявшихся обозвать его мамочку-старушку из маленького поместья Ле-Бей «лишайной сукой», а его самого «смрадным бурдюком с дерьмом» непонятно почему возникло радостное озарение.

Сицилийцы, светловолосые и жилистые потомки викингов, триста лет назад осевших на островах Средиземного моря, оказались людьми высокоморальными, что бы там не думал о них хозяин кабака. Разглядев, что толпа франков набросилась на троих ничем не Примеча-

¹ Mafia – В средневековье – сицилийский или ломбардский отряд самообороны, военная дружина, «семья». *Здесь и далее прим. автора.*

тельных мессиров, mafia немедля приняла сторону побиваемых. О том, зачем обычно ходят в трактиры – то есть о вине и хлебе насущном – сицилийцы позабыли, решив не упускать такой случай размяться и постоять за справедливость: как так можно, семеро против трех?! Теперь будет тринадцать против семерых!

Радостно вопящие mafiosi рассекли строй франков надвое, оторвали дюжего сержанта от невысокого молодого мессира, с желто-синим гербом на тунике и отправили в затяжной полет через весь зал. Повторить подвиг Дедала с Икаром французам не получилось, ибо, как известно, королевские сержанты Франции летать не приспособлены. Лилейный громила тяжело приземлился на трактирную стойку, сокрушив ее в мелкую щепку, однако сумел встать на ноги и, решив не позорить Орифламму, вновь кинулся в самую гущу не на шутку разгоревшейся схватки. Сицилийцы встретили жлоба в кулаки.

Троица молодых дворян, послужившая причиной потасовки, тоже не оставалась в стороне. Первый, тот, что с гербом, орудовал голыми руками, сдирая в кровь костяшки пальцев о сизые французские рыла, рыжий атаковал дрыном, некогда являвшимся кухонным ухватом, а третий – постоянно выкрикивавший короткие, но звучные словечки на непонятном никому языке – вертелся шустрым угрем, одаривая противника ударами ног и неведомо где добытой небольшой сковороды. Под потолком легкомысленными бабочками порхали деревянные кружки, шипели в лужицах вина и потекшей из носов крови гаснущие свечи, раскалывались о стойкие черепа толстостенные мутные бутылки и вновь воспарил в наполненные чесночным запахом воздуха шестипудовый господин сержант, устремляясь в сторону кухни. Огорченный хозяин успел увернуться от сего громоздкого снаряда и шустро приласкал франка кочергой по загривку – сам виноват, не надо было начинать свару! Сержант уже не поднялся.

Армия Франции несла невосполнимые потери в живой силе – командир и еще трое валялись без чувств, пятого добил худощавый и горбоносый mafiosi с длинными волосами цвета льна, с размаху двинув в лицо прихваченным табуретом – костяшки носа издали немелодичный хряп, а тяжеленький табурет приказал долго жить, развалившись на несколько частей. Двух последних с азартом гоняли всей толпой по трактирной зале, пока те не прекратили активного сопротивления и не рухнули на утоптаный до каменной твердости земляной пол. Несколько пинков по чувствительным местам послужили последним аккордом бесславного разгрома. Французы теперь либо пускали красные пузыри, либо тоненько подвывали, в точности уподобляясь голодным щенкам.

Кабацкий пейзаж напоминал миниатюры из летописей, повествующих о явлении вандалов Гензериха в Рим. Бесчувственные тела поверженных красноречиво вопияли к отмщению, Капитолий – стойка хозяина – пребывал в разрухе и запустении, Колизей, роль коего вполне могла выполнить упавшая с потолка люстра-колесо, смотрелся мрачно и навевал тоску, а Форум – единственный уцелевший стол – захватили варвары. То есть сицилийцы вкупе с ренегатами-нормандцами.

– Кто мне за это заплатит? – привычно запричитал хозяин, едва буря успокоилась, и сам же ответил на сей вполне риторический вопрос, изъяв у покоившегося на пороге кухни мессира королевского сержанта немаленький кошелек. Затем, прилежно обойдя остальные тела, трактирщик беспощадно повторил ту же процедуру. Судя по оказавшейся в руке тяжести, павшие франки увеличили достояние владельца кабака ливров на семь-девять. То есть в наличии четыре ливра чистой прибыли. Остальное уйдет в уплату плотнику и гончарам за новую мебель и посуду. Неплохо. Если так пойдет дальше и вояки-крестоносцы станут навещаться в трактир ежедневно, к концу года можно будет переехать из занюханного Джарре в Мессину, а то и в Рим, открыв в апостольском граде приличную trattoria!

Однако хороший тон обязывал хозяина и далее взывать к высоким небесам о разбое, разгроме и разорении, о том, что его несчастные дети пойдут по миру и умрут от голода, жена

продаст себя в лупанарий, а ему самому открыта прямая дорога в монастырь, где и закончатся его скорбные дни в стенаниях и плаче.

– Zvizdets, – повторил красивое слово один из троих и победоносно глянул на соратников. Теперь в его интонациях звучали переливы флейты Виктории и громовые раскаты триумфа. Безнадежно начавшаяся драка окончилась сокрушительным поражением французов, а не появившись вовремя компания местных, с гербами короля Танкреда Сицилийского на одеждах, трактирщик обирал бы сейчас не разукрашенных золотыми королевскими лилиями вояк, а приезжих с севера.

– Это точно, – согласился невысокий молодой человек с едва пробивающимися усами соломенного цвета. Он уже научился понимать смысл некоторых речений нового оруженосца.

Однако следовало отдать дань вежливости. Повернувшись к новым знакомым, светловолосый куртуазно склонился, приложив правую руку к сердцу:

– С позволения благородных мессиров, представляюсь. Шевалье Мишель-Робер де Фармер из Фармера, герцогство Нормандское. Могу ли я узнать, кто пришел на помощь мне и моим спутникам с столь тяжелый час?

– Я же говорил – свои! – бросил прочим mafiosi длинный предводитель сицилийцев. – Что до меня, то я прозываюсь Роже из Алькамо, младшая ветвь герцогов Апулийских, потомков Танкреда Отвиля и Гильома Железной Руки... Может быть, присядем, мессеры? Кажется, после нашего веселья здесь уцелела пара скамей. Эй, хозяин! Только не говори, что вина не осталось! Кстати, шевалье, с чего вы вдруг решили поссориться с французами?

* * *

«Schweinheit und Frechheit» – «свинство и наглость», или, если изволите сменить наречия на существительные, «Свинья и Хам». Именно так Гунтер фон Райхерт частенько думал о своем новом приятеле – господине Sergee Kasakoff'e из России. И вовсе не потому, что Гунтер был немцем и фашистом – если по крови потомок семьи Райхертов действительно вполне относился к цвету германской нации, то по убеждениям никогда и ни в коем случае не примыкал к коричневатым голосистым парням из уголовно-политической партии с аббревиатурой НСДАП. И не потому, что сам являлся дворянином, с уходящей в глубину веков заковыристой родословной, а Казаков, это непонятное порождение XX–XXI веков, скорее всего являлся плебеем из плебеев. Гунтер относился к тем редким людям, которым было плевать на сословия, политику или национальность. Лишь бы человек был хороший. Однако...

Immerhin... Дело в том, что мессир Сергей Казаков действительно был свиньей и хамом. Возможно, новый оруженосец сэра Мишеля таким оригинальным манером скрывал свои смущение или робость перед новыми обстоятельствами и людьми, но факт оставался фактом – в своей развязности, самоуверенности (кстати, как ни грустно, вполне оправданной...) и в познаниях в разноязычной сквернословной лексике новоявленный обитатель почтенного XII века достигал уровня невоспитанного сэра Мишеля, а частенько его превосходил. И это при условии неумения нормально говорить на норманно-французском языке, которому Серж только-только начинал как следует обучаться.

В латыни – международном языке Высокого Средневековья – Казаков не сёк вовсе, кроме двух-трех вульгарных фраз, наподобие вычитанной в какой-то глупой книжке «Quo vadis, infectia?», что по его мнению, означало: «Куда прёшь, зараза?» Однако Сергей отлично баял на современном ему английском, чуток разумел по-французски, а с посильной помощью Гунтера начал более-менее понимать немецкий язык образца XX века. И то слава Богу. Базис для освоения самого распространенного на материке норманно-французского имелся, а, кроме того, Сергей вполне мог сносно общаться с подданными английского короля Ричарда Львиное Сердце, хотя и не без труда. Как-то он заметил Гунтеру, что язык англичан времен королевы

Елизаветы II Виндзор² и Ричарда I Плантагенета разнятся настолько, как разговорный русский времен какой-то там «Перестройки» с благородным наречием князя Игоря Северского. Когда до его сознания дошло, что столь знаменитый в России князь Игорь, коему столь же небезызвестный композитор последующих веков Бородин посвятил свою оперу, живет прямо сейчас, и к которому (имея большое желание, много денег и удачу на разбойных европейских дорогах) можно запросто съездить на Русь, Гунтер стал свидетелем по-детски фейерверчного взрыва восторга.

– Плач Ярославны! – вопил Сергей. – Круто! Никаких там опер с билетами и контролерами! Прямо под стеной стоять, слушать и тащиться! Blesk!!!

Гунтер счел эти крики просто истерикой и во многом был прав. Тевтонец фон Райхерт не знал, кто такая Ярославна и что крутого в ее плаче – плачут только слабые, это еще Бисмарк говорил. И потом, большинства русских слов он не понял. А если бы понял, то поморщился.

...Всех троих обуял сладкий средиземноморский климат, Сицилия-сказка, оливы-маслины-ракушки, терпкие вина, темноглазые красавицы, куча денег в карманах (эх, надо поставить свечку за упокой души канцлера де Лоншана!) и чувство собственной силы.

Прежде всего ощущалась Сила. Принадлежащая им троим.

Почему? А-а-а...

У Мишеля – потому, что в этом мире он был своим из своих. Дворянином, сыном барона, которого посвятил в рыцари сын короля и канцлер Англии Годфри Клиффорд. Мишель видел в снах, как первым входит в отбитый у сарацин Иерусалим.

Он был потомком осевших во Франции викингов и истинным христианином.

У Гунтера – потому, что он давно понял, что прошлое неозвратно, что он начал учиться новому, что не хочет бросать начатого дела и оставлять «на дядю» какую-никакую ответственности за самого себя и своих необычных (да что там! Самых обыкновенных и близких!!) друзей. Бог дал, Бог взял. Но пока взял только прошлое... Слава Ему!

Гунтер являлся готом, тевтоном, любителем свинины и пива, бывшим офицером Люфтваффе Третьего Германского Рейха управляемого вздорным австрийцем по фамилии Гитлер... В общем, просто немцем.

А Сергею Казакову было просто нечего терять.

Этот был русским.

* * *

И все трое рванули вперед. Незнамо куда.

Первый – по долгу перед кровью, честью и Матерью-Церковью.

Второй – по взятой на себя обязанности и желанию педантично пройти новую дорогу до конца. До короны герцога, как обещал Лорду. Пусть подавится. Гунтер все заработает сам.

Третий... Ему было просто по пути. Он еще ничего не решил. Присматривался.

Француз, немец и русский.

Как в анекдоте.

² Елизавета II Виндзор – ныне благополучно царствующая королева Британии (с 1947 года).

Часть первая Сицилия навзлёт

Нет, я не в том тебе завидую
С такой мучительной обидою,
Что уезжаешь ты и вскоре
На Средиземном будешь море.
И Рим увидишь, и Сицилию, –
Места, любезные Вергилию,
В благоухающей, лимонной
Трущобе сложишь стих влюбленный.
Я это сам не раз испытывал,
Я солью моря грудь пропитывал,
Над Арно, Данта чтя обычай,
Слагал сонеты Беатриче.
Что до природы мне, до древности,
Когда я полон жгучей ревности,
Ведь ты во всем ее убранстве
Увидишь Музу Дальних Странствий.
Ведь для тебя в руках изменницы
Нектар в хрустальном кубке пенится,
И огнедышащей беседы
Ты знаешь молнии и бреды.
А я, как некими гигантами,
Торжественными фолиантами,
От вольной жизни заперт в нишу,
Ее не вижу и не слышу.

Глава первая

Проблемы адаптации

13 сентября 1189 года, ближе к полуночи – 27 сентября 1189 года.

Баронство Фармер, герцогство Нормандское.

Осенью темнеет рано. Солнце уже давно скрылось за верхушками сосен, давно уже опустились на лес серые сентябрьские сумерки и незаметно перешли в ночь. На поросшем молодым сосняком склоне, не больше чем в сотне шагов от вершины холма горел костер. Потрескивали, плюясь снопами искр, сухие смолистые ветки. Весело плясали оранжевые язычки пламени. Над огнем покачивался закопченный котелок, в котором что-то сердито булькало. Когда жидкость выплескивалась на горячие уголья, в воздухе распространялся душистый аромат травяного настоя, видимо, заменявшего собой чай. Невдалеке, у черного нагромождения валунов, спал на колючем ложе из бурой прошлогодней хвои молодой рыцарь. Временами он что-то беспокойно бормотал и ворочался во сне. Чуть поодаль, у старой разлапистой ели чернел сделанный на скорую руку шалаш – там устроился на ночлег бородатый старик в монашеской одежде. На краю прогалины тихонько пофыркивали три стреноженные лошади.

Около костра, на сухом поваленном дереве сидели, негромко беседуя на разговорном английском языке образца XX века, два человека, само присутствие которых в Королевстве Английском на исходе предпоследнего десятилетия двенадцатого века являлось – с точки зрения логики и здравого смысла – полнейшим абсурдом. Того из них, что с виду казался чуть постарше и повыше, рыжеволосого, с небольшой бородкой, звали Гунтер фон Райхерт и родился он (точнее, еще не родился!) в одна тысяча девятьсот пятнадцатом году в Германии. Всего месяц назад (или семь с половиной столетий спустя...) он был офицером Люфтваффе. Ныне же ему приходилось довольствоваться званием оруженосца, что, впрочем, несколько его не огорчало.

Тому, что помоложе – невысокий, смуглый, коротко стриженный, с чуть монголоидными темными глазами – компьютерному технику Сергею Казакову из далекой России предстояло родиться без малого восемь столетий спустя, в одна тысяча девятьсот семьдесят девятом году в государстве, именовавшемся Союзом Советских Социалистических Республик, и городе-герое Ленинграде, позже вновь ставшем Санкт-Петербургом.

Несмотря на то, что – как говорилось выше – присутствие их в это время и в этом месте являлось полным абсурдом, и тот, и другой прожили в 1189 году уже двадцать семь дней, и перспектив вернуться в свое родное сейчас ни у того, ни у другого не имелось. По крайней мере – в области рационального. Что же касается иррационального... впрочем, к чему рассуждать об иррациональном? Хоть их и закинуло в эти средневековые края почти месяц назад, встретились они только сегодня, да и то лишь благодаря вмешательству того самого святого отшельника, что лежал сейчас, отдыхая от дневных трудов и выпавших на его долю злоключений, в импровизированном шалаше из лапника.

Сергей, пребывавший до сего дня в абсолютном и блаженном неведении относительно того, куда занесла его судьба, довольно быстро оправился от первого шока и даже нашел в себе силы приготовить на костре весьма сносное жаркое из угодившего в капкан кролика. Тем временем Гунтер, пока еще не совсем стемнело, успел сходить за оставленными в лесу лошадьми, а сэр Мишель (так звали юного рыцаря) несколько свыкся с мыслью о том, что теперь ему

придется принять под свое рыцарское покровительство еще одного оруженосца, в буквальном смысле слова свалившегося с неба.

Когда, насытившись крольчатинной, сэра Мишель, а вслед за ним и отец Колумбан, пожелали всем доброй ночи и удалились ко сну, Гунтер устроился рядом с Сержем у костра, и, прихлебывая из алюминиевой кружки горячий настой душистых трав, поведал вкратце своему новому знакомцу о том, что произошло с ним здесь за последний месяц, начиная с того самого дня, 13 августа, когда судьба таинственным образом закинула его, германского летчика, из 1940 в 1189 год. Серж слушал молча, не перебивая и почти не задавая вопросов: сейчас ему проще было ни о чем не задумываться, и Гунтер прекрасно его понимал, а потому, героически сражаясь со сном, неспешно рассказывал все по порядку. Как он, отправившись на самый рутинный боевой вылет, внезапно попал в густой туман, как потом долго летел над Нормандией, удивляясь, куда пропали все привычные ориентиры, как, наконец, отчаявшись что-либо понять, совершил неподалеку отсюда вынужденную посадку и как встретил на поляне до смерти перепуганного похмельного сэра Мишеля, который мало того, что был одет в совершенно непотребный для двадцатого века маскарадный костюм, так еще и изъяснялся на классическом норманно-французском наречии.

Видимо, с даром слова у Гунтера все было в порядке, поскольку при описании этой сцены Казаков даже забыл (правда, ненадолго), что ему сейчас полагается пребывать в состоянии полного шока, и весьма неприлично и громко захохотал, живо представив себе весь этот эпизод.

Правда, потом германский летчик поведал нечто такое, что заставило Сергея вновь усомниться в умственной (и психической) полноценности его нового знакомца. И действительно, посудите сами, может ли нормальный человек из покончившего с предрассудками двадцатого века на полном серьезе излагать историю о встрече с дьяволом, при этом то и дело нервно озираясь на слишком близко подступивший к поляне ночной лес и всячески избегая называть вещи своими именами, употребляя разного рода эвфемизмы: «враг рода человеческого», «сила, не принадлежащая известному нам миру» и прочее в том же духе. Впрочем, Сергей и тут не стал его перебивать, здраво рассудив, что либо его собрат по будущему на этом вопросе малость тронутый – и тогда не стоит вязаться, либо же к нему и впрямь явился сам сатана собственной персоной (что, конечно, весьма маловероятно, но не исключено: мало ли что у них тут в этом средневековье творится?).

Кратко изложив дальнейшие события, имевшие место в окрестностях баронства Фармер, как то: поджог сеновала, обстрел коварного сэра Понтия Ломбардского и спасение от меча одного коварного Понтия сэра Мишеля вкупе с отцом Колумбаном, возвращение блудного сэра Мишеля в родительский замок – и обойдя молчанием инцидент с прекрасной Сванхильд, – Гунтер перешел к следующей части своей истории. Он довольно живо и со всеми подробностями поведал о поручении бейлифа, о встрече с новоиспеченным епископом Кентерберийским, о невероятных пакостях английского канцлера де Лоншана, об осаде аббатства, о принце Джоне, Гае Гисборне («Представляешь?! Самый настоящий Гай Гисборн, тот самый! И представь – очень славный малый, совсем не злой и даже нормально воспитанный. Правда, по моему, слегка тугодум. А про Робин Гуда у них тут и слухом не слыхивали!»). Рассказал он и о поимке хитроумного канцлера, который надумал бежать, переодевшись в женское платье («Ух ты! – откомментировал Сергей. – Ну прям как наш Керенский!»), и о знакомстве с Дугалом Мак-Лаудом. Завершил же он свое долгое повествование прощанием с Гаем и Дугалом у древнего каменного креста.

– Как Керенский? – педантично уточнил Гунтер. – Если я правильно помню историю, этот господин был премьер-министром России до большевистского переворота? Я читал его воспоминания, изданные в Берлине, так он утверждает, что побега в женском платье не было и это все выдумки красной пропаганды.

– Какая разница? – отмахнулся русский. – Сие для истории непринципиально. Ты дальше рассказывай!

– ...А потом мы с отцом Колумбаном и нашим доблестным рыцарем отправились на поиски еще одного гостя из будущего, сиречь тебя. Дальнейшее тебе известно. – Снова вспомнив это «дальнейшее», Гунтер не смог удержаться от усмешки, и добавил: – Кто ж мог подумать, что ты тут не только на кроликов охотишься?

Казаков только вяло махнул рукой: «Проехали!» и, поднявшись с дерева, подбросил в догорающий костер охапку хвороста. Угасшее было пламя вновь весело затрещало, выбросив к темным небесам огромный сноп искр. Серж все так же молча взял у Гунтера опустевшую алюминиевую кружку и деловито плеснул в нее из котелка горячего травяного настоя. Гунтер благодарно кивнул, сделал большой глоток, откашлялся, вопросительно посмотрел на русского. Тот опустил на дерево и задумчиво уставился в огонь. Судя по всему, человек со странной профессией, именовавшейся «компьютерный техник», вознамерился снова впасть в депрессию. Этого допускать никак было нельзя. Гунтер отставил полупустую кружку, поворошил длинной палкой костер и преувеличенно бодро провозгласил:

– Не знаю, как у Мишеля, а у меня план следующий: во-первых, утром заberi со своего вертоплтера все вещи, которые могут пригодиться...

– Например, процессор бортового компьютера, – фыркнул Казаков. – Толкнем на рынке в Ватикане как святую реликвию. Нехреновое ноу-хау для двенадцатого века!

– Ноу-хау? – не понял Гунтер странного выражения, однако продолжил: – Во-вторых, отбытие на юг откладывается на пару недель. Будет слишком подозрительно, если мы заявимся к королю Ричарду с сообщением наподобие: «Знаете, ваше величество, мы тут три дня назад вашего канцлера в Англии повесили, а потом прилетели сюда на драконе – доложить»... Юмор не оценят.

– Надо полагать, меня ждет усиленный курс адаптации? – вяло поинтересовался Сергей. – Что тут положено? Практическая куртуазия, теория религии, основы владения холодным оружием, верховая езда... Ни дать, ни взять – отдых нового русского.

– Новый русский? – снова оторопел германец. – Что это за разделение такое? А старые кто? Впрочем, неважно. Полагаю, адаптацию ты пройдешь быстро. Здесь все то же самое, только язык другой и техники нет.

– У меня деньгами туго, – вздохнул Казаков. – У вас все дорого. Я в деревне куриц покупал, пришлось выложить две тяжелых серебряных монеты, которые у лоха в доспехах на дороге попятил. Да у нас в любом антикварном магазине каждая на сотню баксов потянула бы, только из-за веса, не считая исторической ценности. Эй, а может меня обсчитали? Уж больно рожи у этих вилланов хитрые были...

Гунтер, почитавший себя изрядным знатоком правил жизни и поведения раннего Средневековья, тотчас пустился в расплывчатые описания, из коих следовала одна-единственная мысль: существование в двенадцатом веке складывается из таких вот мелочей – как и сколько заплатить в трактире, надо ли целовать руку всем священникам или только епископам с кардиналами, как к кому обращаться, как осознавать свой статус на местной социальной лестнице и вести себя соответственно занятой ступеньке.

– Ясно, – подвел итог Казаков. – Психология, менталитет, расстановка акциденций и определение дефиниций. В точности по Умберто Эко. Медиевистика и семиотика.

– Чего? – вытаращился Гунтер. – Ты откуда у нас такой умный? И кто такой Эко?

– Итальянский писатель. Он во время Второй мировой еще ребенком был, поэтому ты о нем не слышал. Мне бы сейчас томик «Имени Розы», тогда бы наверняка выкрутился... Замечательно человек о Средневековье писал, только оно у него какое-то мрачноватое получилось, без всяких этих ваших чудес. Ну признайся, ты, небось, со шнапсом перебрал, когда черта видел?

– К тебе заявится – посмотрим, что тогда запоешь, – мстительно сказал Гунтер.

– Арию Фауста, – гыгыкнул Казаков. – Хотя я ее не помню. А «Люди гибнут за металл» – из другой оперы или из той же? И вообще, ко мне, полнейшему «унтерменшу» с твоей немецко-фашистской точки зрения, дьявол являться не может. Кто я такой, в конце концов?

– Еще одна фигура на шахматной доске, – совершенно серьезно проворчал Гунтер. – Хочешь – верь, хочешь – не верь, но, по-моему, этот старый козлище попросту развлекается, наблюдая за нами. Ему интересно следить за новой ситуацией. Он мне сам признавался, что случай переноса во времени человеческой плоти с заключенной в ней бессмертной душой произошел впервые и больше не произойдет никогда. Понимаешь? Вселенная устроена по определенным законам.

– Постой, постой! – сдвинул брови Казаков. – Вот даже как?.. Допустим, я тебе верю. Герберта Уэллса читал? «Машину времени»? Я тоже. Он вроде бы жил в самом начале века... Не прав был старик. И его последователи тоже. За шестьдесят лет, которые нас с тобой разделяли в Ха-ха веке, технический прогресс ушел вперед настолько, что ты и представить себе не можешь. Атомная бомба, прокладки «Оллдейз», компьютеры, американцы на Луну летали...

– Да ну? – ахнул Гунтер. – И что?

– Ни хрена там нету, вот что... Пусто. Большой пыльный булыжник. Ты дальше слушай. Если путешествие в ограниченном пространстве, замкнутом, скажем так, нашей Солнечной системой, вполне возможно, а при желании можно лететь и дальше, то перебороть время, основной стержень, на котором держится Вселенная, не удалось пока никому, да не удастся вообще. Научный факт. Никаких путешествий во времени – ни назад, ни вперед. Каждый живет там, где ему положено. Кроме нас с тобой, двух дебилов. Мораль ясна?

– Куда уж яснее, – Гунтер вытащил еще одну сигарету из зеленой пачки и прикурил от уголька. – И сам на эту тему думал, и все, кто только мог, подсказывали. Если произошел столь невероятный прецедент, если ради нас на какое-то время были изменены основополагающие законы мироздания, то это не случайно!

– Параноик. Клинический случай. Полбашки отстричь, – Сергей сощурил глаза и нехорошо заулыбался. – Мироздание ради него меняют. Гы! Твой глючный черт что говорил? Во-о!.. Случайность. Аномалия. Воздействие хаотического фактора. Два гы-гы! Мы просто потерялись. Ошибка в работе небесной канцелярии. Какой-то похмельный архангел, отвечавший за техническое обеспечение проекта, ткнул не ту клавишу. Три раза гы-гы-гы! Файлы вместо того, чтобы уйти в соответствующую директорию или в корзину, отправились в сеть и осели на каком-то захолустном сервере, никому не нужные и никому не понятные.

– Что за бред ты несешь?

– А, извини. Это не бред, а разбор ситуации с точки зрения ребенка компьютерного века. В общем, если приводить более понятные для тебя формулы, наши учетные карточки просто нечаянно смахнули со стола, они попали в корзину для бумаг, а потом на помойку. И никаких высоких дел тут для нас не предназначено. Есть, правда, один вопрос – почему именно мы? Опять можно свалить на фактор случайности – мы были в одной географической точке, когда случилась авария на небесах. Но если это не так, и Господь Бог наметил конкретно тебя и меня? Просто не верю. Уж прости, но мы настолько разные... Ты вот всю жизнь повязку со свастикой на рукаве носил...

– Не носил! – искренне возмутился Гунтер. – Я не член партии Гитлера! А в войсках такие повязки носят только ребята из СС, и то не все!

– Какая разница, чей конкретно ты не член... Извини. Я имею в виду, что потенциально ты для меня – враг. Хотя клал я с пробором на эту высокую политику, слишком давно было.

– То есть как – враг?

– Да очень просто, – поморщился Казаков и, подумав, тоже взялся за сигарету. – Тебе приказали бы бомбить Москву или Петербург, что бы ты стал делать?

– Выполнял бы приказ, – уверенно ответил Гунтер, и вдруг осекся. – И вообще, при чем здесь Петербург? Германия и Россия – союзники. Доктор Геббельс каждый день трубил по радио! Воевали против Польши вместе – в газетах было полно фотографий германских и русских офицеров, встретившихся на новой границе... Я в Россию ездил, с нашей военной делегацией. Все было очень хорошо, нас отлично принимали. На банкете за здоровье вашего фюрера, Иосифа Сталина, пили...

– А двадцать второго июня сорок первого года что случилось? – подался вперед Сергей, но мигом остыл: – А-а... ты ж не дожил. Тогда – пока что не враг. И вообще, зачем говорить о прошлом, в смысле о будущем, когда мы с настоящим разобраться не можем? Вот скажи, ты определил свою стратегию жизни здесь?

– Определил, – не без вызова ответил германец. – Выполнять свой долг.

– Перед чем, вернее, перед кем? – несказанно поразился Казаков. – Перед своей страной? Богом? Перед... кто у вас, в Германии, сейчас правит, Барбаросса? Перед ним, что ли? Перед этим гандоном штопаным – рыцаришкой пятнадцати лет?

– Ему семнадцать вообще-то, – мрачно заметил Гунтер. – Не забудь, они взрослеют гораздо раньше нас. Если тебе угодно – перед всеми. И перед собой.

– Клиника, – вздыхая, повторился Казаков. – Тут, наверное, какая-то зараза в воздухе. И от нее люди крышею едут, рыцарями становятся. Блин, тоже стану однажды рыцарем... С гербом. Золотой рыбий скелет в зеленом поле, усеянном кучками навоза, подойдет как нельзя лучше. Учитывая отпетое рабоче-крестьянское происхождение. Ладно, это лирика. Да пойми ты, немчура, наша стратегия, тактика, а также то, что именуется ученым словом «концепция», выражается в одном-единственном принципе: выживание. Повторить по слогам? По-английски, по-французски? На хинди? На идиш? Вы-жи-ва-ни-е!

– Угу, – Гунтер меланхолично рассматривал угольки костра, и спросил почему-то: – У вас проказу научились лечить?

– Нет, в том-то все и дело, – помотал головой Сергей. – Я в медицине не очень секу, однако знаю, что сульфоновые препараты проказу только сдерживают, но не излечивают. Так что эта милая болячка и в двадцать первом веке вовсю существует. Здесь лепрозных бактерий не в пример больше. Добавим остальные прелести: чума, оспа – у нас с тобой, слава Богу, от оспы прививки? – любые виды дизентерии от грязной воды. Дифтерия, сибирская язва, сип. На югах – малярия, хотя мы, в отличие от многих средневековцев, знаем про кору хинного дерева. Одно хорошо – сифилис из Америки пока не завезли. Представь теперь, что ты попил пивка из кружки, только что использованной прокаженным! И это только один параметр угрозы выживанию. Дальше рассказывать?

– Вот дерьмо! – чуть раздраженно бросил Гунтер. – Я как-то об этом не задумывался. Ел, пил, жил. Как видишь, живой пока. И здоровый, если насморка не считать. Без сомнения, опасностей множество. Дело в другом. Мы о них знаем. Кто предупрежден – тот вооружен. И у нас гигантское преимущество перед жителями этого века.

– Ну тебя на хер! – возмутился Казаков. – Какое? Фантастики обчитался? Лекарств нет, современного оружия – кот наплакал. У тебя, любопытно, сколько патронов осталось? Во-во. Я потом интересу ради списочек составлю. У меня в вертолете есть обязательная аптечка, но, как думаешь, надолго ее хватит? Положим, мы *знаем* больше, чем все тутошние. Но знания наши, кроме уважаемого во все исторические эпохи зубодробительного искусства, абсолютно непригодны.

– И что ты предлагаешь? – насупился Гунтер. – Окопаться и сидеть? Пить только кипяченую воду и протирать каждую трактирную кружку спиртом, благо теперь его в достатке? Забуриться в какой-нибудь дальний замок на севере Германии и устроить научно-исследовательскую базу, привлекая лучших алхимиков и ученых этого века заради изобретения новых лекарств? Воплощать наши технические достижения? Полагаю, несчастный двенадцатый век

отлично перебедует и без наших выдумок. Тогда, может, лучше продать душу козлоному, а в обмен попросить, чтобы домой отправил?

– Mudak! – эмоционально резюмировал Казаков на языке родных осин. – Все, концы обрублены! Нет дороги назад, я в точности чувствую... Знаешь, я не любитель высоких материй и философических выкладок. Ничего экстраординарного не надо предпринимать! Я не собираюсь становиться прогрессором и вооружать этого педика Ричарда Львиное Сердце водородной бомбой! К тому же, ее сделать невероятно сложно, да я и не умею. Ты правильно сказал, хуже другое: мы с тобой можем за милую душу усовершенствовать арбалет, начать отливать пушки и, опередив на несколько веков Бертольда Шварца, состряпать порох! Да еще не какой-нибудь, а самый лучший. Ответь только – оно нам нужно?

– А черт его знает... – сказал Гунтер и понял, что изрек двусмысленность.

– Герр Райхерт, шер ами, а не проще ли понять, что *дело* – если, как ты полагаешь, мы к таковому предназначены – само нас найдет? А сейчас, как говорили у нас в подобных случаях, раздвинь пошире ноги, расслабься и получай удовольствие, ибо другая альтернатива отсутствует. Гм... Свежий воздух, натуральная пища, никаких тебе стрессов или начальства. Знаешь, терзания и самокопания никогда ни к чему хорошему не приводили. Просто живи – и все! Ты, истинный ариец, жалобу на тяжелую жизнь в европейскую комиссию по правам сверхчеловека все равно подать не сможешь. По причине банального отсутствия любых комиссий. Не дергайся. Просто не дергайся. А то и я дергаться начну.

Гунтер помедлил и решил сменить тему разговора.

– А что такое «компьютерный техник»?

– Это человек, который знает, что находится внутри у машины, наделенной определенной степенью интеллекта, и умеет с таковой машиной работать, – отбарабанил Казаков и как-то очень хитро взглянул на германца. – Хотя в нашем КБ под словом «техник» крылась до изумления широкая семантика. Поверь, я умею обращаться не только с машинами. Ну чего ты сидишь смурной как туча, эсэсовец?

– Я не эсэсовец, – вздохнул Гунтер. – Хотя после школы Гитлерюгенда мне предлагали вступить в СС. Как, ты верно заметил, стопроцентному арийцу. Отказался. Не люблю идеологию.

– И в тот же самый момент выглядишь как проснувшийся с дикого бодунища Эммануил Кант, Фридрих Ницше и Артур Шопенгауэр в одном флаконе, – добродушно заключил Казаков. – Правильно я где-то слышал: немцы изобрели пьянство, фашизм и страдания молодого Вертера. Не страдай. Все пучком. Мир на месте. Смотри, какие ясные звездочки наверху горят! А в Крестовый Поход, уж извини, вы меня арканом не затащите. Не хочу сдохнуть от дизентерии. Мерзко.

* * *

«Страдания молодого Вертера», как выразился в запале Сергей, разбирали не одного Гунтера, иногда любившего впадать в черновато-серую меланхолию. Терзания и самокопания, как это многократно подтверждал великий русский писатель Ф.М. Достоевский, были куда более свойственны нациям неарийским, а уж о такой вещи, как «загадочная русская душа» со всеми из нее вытекающими, и вовсе говорить не стоит. Казаков ничуть не боялся настоящего и будущего – весь страх давно прошел, сменившись спокойствием, но вот в удовольствии посидеть и подумать новый оруженосец сэра Мишеля отказать себе не мог.

«Ну дела... Ну влип! Мало мне было наших российских заморочек. Да наши доморощенные ревнители благочестия и возродители Святой Руси, сиречь Третьего Рима, по сравнению с этими натуральными фанатиками – тьфу! Мелочь пузатая. Эти-то, видать, покруче будут. Ишь как этот рыцарь разошелся: „В Святую Землю! В Святую Землю“... Ишь, неймется ему.

На подвиги тянет. В родном феоде – или как там, лене – ему не сидится. Борец за идею, видите ли. Освобождать Гроб Господень он рвется за тридевять земель...

Это что же, теоретически, получается? Мы прямиком вляпываемся в самую безнадежную авантюру этого века. „Мы“ – потому что мне конкретно от герра Райхерта и его сюзерена деваться некуда. Скопом выживать легче, чем одному. Я, конечно, могу сделать финт ушами, пожить обещанные пару недель у монаха, поднатаскаться в языке и сделать ноги. Только вопрос – куда? В Россию? А там что? Княжеская смута полным ходом, нашествие половцев, Ярославна на слезы исходит... Монголы через несколько лет заявятся и учинят летописное иго. И ехать ой как далеко. Впрочем, до Палестины, можно подумать, ближе.

Нет уж. Погорячился я, когда сказал, что в Крестовый Поход не пойду. Пойду, как миленький. Пропаду здесь один. Точнее, пропасть не пропаду – сдохну с тоски. Каково первое правило выживания? Действуй в паре. А если работаешь в одиночку, как можно быстрее выходи к людям. Человек – животное общественное и стадное. И так уж совсем за эти недели одичал. Натуральный разбойник с большой дороги, вполне в средневековом вкусе. Да, выживание в экстремальных условиях штука не из самых приятных. И это еще учесть, что я сюда попал пока еще тепло было... Ну, допустим, относительно тепло, особенно по ночам. Я бы сказал весьма и весьма относительно тепло в этой их Нормандии. Свежий воздух в столь неумеренных количествах... хм-м! Пожалуй, несколько вреден для здоровья. Да, и сейчас-то не слишком здесь уютно, а дело к зиме идет. Как ни посмотри, лучше с этими крестоносцами в теплые края податься, чем здесь по норам прятаться и глухонемого кретина изображать. Что б они провались со своим норманно-французским!

Хотя... Ой! Погоди-ка, парень, что тут не так...»

Серж присвистнул и аж подпрыгнул на месте.

– Эй, Гунтер! – он ткнул локтем в бок своего собрата по будущему. – Эй, Гунтер, слышь! – От ошарашенности внезапной догадкой он заговорил по-русски, но тут же себя одернул, выматерился и с видимым отвращением перешел на язык международного общения: – Я говорю, у них тут точно Третий Крестовый Поход?! А, Гунтер? Ты уверен, что именно Третий?

Гунтер задумчиво, лениво борясь с обволакивающей дремотой, смотрел на огонь, на темные, подступившие вплотную силуэты сосен. Молчал, вслушиваясь в шорохи леса... Нехотя поднял голову, потянулся, разминая затекшую от неподвижного сидения спину. Поерзал на замшелом бревне, подхватил соскользнувший плащ, поплотнее запахнул, придерживая рукой у ворота, перекинул в другую руку увесистый сук, которым ворошил костер. Вдохнул. Говорить не хотелось. Ночь обволакивала, убаюкивала, нашептывала что-то... знакомое? успокаивающее?... Скорее тревожное. А, ерунда. Ему просто передалась тревога Сержа. Что его так напугало?

Серж не отводил напряженно-пытливого взгляда. Смотрел напряженно, вопрошающе, почти враждебно.

Гунтер пожал плечами:

– Какой же еще? Третий, разумеется. Под водительством Ричарда, Филиппа-Августа и Фридриха Барбароссы. Вторым походом командовали Людовик Французский и германский кайзер Конрад. Что-нибудь не так?

– Ну ничего себе «что-нибудь»! Я вспомнил, это ж не поход, а хрен знает что! Совершенно провальная затея. Два года гнить под Аккой – если не больше – и все!!! Никакого Иерусалима, никакого освобождения Гроба Господня, никакого триумфа и оркестров! Эй, Гунтер, что ж это делается? – не унимался Казаков. Гунтер все это время тоскливо на него смотрел. – Ну они, местные – понятно. Они ничего не знают, что их ждет, они вроде как первый раз живут. Но мы-то, мы-то знаем, что будет дальше!

– Нет, не знаем, – голос Гунтера звучал сухо и бесстрастно.

– Что?! – Серж словно подавился на середине патетической тирады.

– Я говорю: нет, не знаем мы с тобой, что будет дальше. Это не тот 1189 год.

– Ну ты, брат, завираешь. Здесь, знаешь ли, не самое подходящее время для подобного рода завиральных идей. Ты только не начинай про пространственно-временной континуум и его таинственные свойства. Нам сейчас не до всей этой элитности.

– Нет, Серж. Нет тут ничего ни элитного, ни завирального. Это правда. Это не тот 1189 год. Уже не тот. Понимаешь – уже! Сколько можно талдычить, я, кажется, все объяснил! Здесь может быть все что угодно. С того дня 13 августа... Разве ты не понял, что тогда произошло?

– А что произошло? То, что я оказался в этом – чтоб его! – 1189 году? Так тут думай – не думай, такие аномальные явления понять невозможно. Полная херня, одним словом, – Серж хохотнул, – доводилось мне иногда наткаться на сообщения о необъяснимых явлениях, – цирк да и только. То какую-нибудь дамочку инопланетяне похитят, – высокие светловолосые красавцы шесть метров роста – истинные арийцы одним словом, то еще эти летающие тарелочки с зелеными человечками... Экстренное сообщение: у гражданки Н. из города Мухосранска на огороде приземлилась летающая тарелка, зеленые инопланетяне потоптали посевы клубники, ободрали крыжовник, нагадили на крыльце, а потом улетели. И что самое интересное – в это же самое время в штате Колорадо пронесся тайфун невиданной силы, а в небе видели диск размером шесть на восемь км, который медленно вращался и двигался в сторону канадской границы... – Серж глупо хихикнул и искоса посмотрел на Гунтера. – М-да-а... что-то я разговорился? Хм...

Гунтер усмехнулся и, прищурившись, разглядывал Сержа. Он начинал нести полнейшую, бессмысленную чушь.

– Так пойдешь с нами или нет? Или будешь здесь строить укрепрайон с ДОТами, траншеями и бункером? Отсиживаться?

– Я? Отсиживаться? – возмутился Казаков. – Двигай ты знаешь куда?..

– И двину. А ты – за мной. Самое главное, никуда не сворачивай. Ты уж меня извини, но, по-моему, тебе следует нормально отоспаться. Знаешь, почему?

– Адаптационный стресс, – заявил Сергей со знанием дела. – Четвертую неделю маюсь. Ты психологию изучал? Ах, нет? Смотри: я проторчал здесь почти месяц. Постоянное напряжение. Незнание обстановки.

– Как – незнание? – поднял бровь Гунтер. – Ходил по округе, разбойничал, понял, где можно достать еду. Окружил себя целой линией Мажино, маршал Петен позавидует. Интересно, а если бы на тебя танки поперли, что бы с ними случилось?

– К северу болота, юг и восток прикрыты лесом таежного типа, с запада овраги. Никакой танк не пройдет, – автоматически сообщил Казаков и тут же помотал головой, поняв, что сморозил глупость. Нету здесь танков. А эта фраза – остаточное явление испуга, действовавшего на подсознательном уровне. Засуньте белого медведя в Сахару или бенгальского тигра в амазонские леса. Помучаются и сдохнут. Обстановка чужая. Все, начиная от рельефа и заканчивая вцепляющимися в шкуру паразитами – чужое. А человек – такая тварь, что, если не помрет сразу, то выживет обязательно.

– Ты сейчас оказался среди своих, – медленно проговорил Гунтер, наблюдая за Казаковым. – Почти месяц ты только и делал, что выживал. Постоянно был в заботах. Еда, какая-никакая оборона своей берлоги. Боязнь, что тебя найдут. Непонимание, что случилось и где ты. Сейчас тебе все объяснили. Что бы ты там не говорил, но я для тебя – свой. Ты расслабился. Такое расслабление...

– Такое расслабление заканчивается истерикой, потерей внимания и притуплением чувства опасности, – напряженно хихикнул Сергей. – Что ты сейчас и видишь. Правильно, надо отоспаться. Мир изменился. До тринадцатого августа он был одним, от тринадцатого до сегодняшнего дня – другим, а с этого вечера – третьим. Пойду-ка я спать, в самом деле. Переночую в кабине. Надеюсь, на мое имущество, жизнь и девственность никто не собирается покушаться?

– Иди, иди, – усмехнулся Гунтер. – Рассветет – разбужу. Только с кулаками спросонья не лезь.

* * *

Благополучно миновали две недели.

Никаких особенных чудес не происходило. Гунтер откровенно побаивался, что заявится Лорд – убеждать, растолковывать, искушать и совращать, однако представители инфернальных сил не высказывали интереса ни к сэру Мишелю, ни к его подозрительным оруженосцам. Один раз, правда, к отцу Колумбану прибыл странный ночной гость, невысокий толстячок с рыжей сарацинской бородкой, но святой, едва увидев в дверях пришедшего глубоко за полночь посетителя, посоветовал ему заглянуть через сутки или двое, чтобы спокойно поговорить. Гунтер спросонья уловил только необычное имя – Калькодис, но почему-то решил, что оно арабское или мавританское.

Сэр Мишель, оскорбленный в лучших чувствах посиделками в волчьей яме, дулся несколько дней подряд и наводил феодальные порядки – скорее из вредности, нежели по злости. Новому «оруженосцу» приходилось осваивать ремесло. Чистка лошади. Надраивание вооружения хозяина до лунного блеска. Практическое освоение хороших манер и языка. Если с норманно-французским положение дел обстояло более-менее сносно, то с манерами...

– Как обратиться к графу? – устало спрашивал сэр Мишель.

– А как я узнаю, что это граф? – вздымал брови оруженосец, выслушав перевод Гунтера. – И смотря в какой обстановке обращаться! Ежели в королевском дворце – это одно, а в борделе – совсем другое...

Этого Гунтер переводить не стал.

– Графа узнаем по гербу, – втолковывал рыцарь. – Ты, как дворянин, обязан знать гербы благородных семейств Нормандии, Аквитании и Франции...

– Ой, а можно я не буду дворянином? – глумливо застонал Серж. – Просто слугой? Как Планше у мсье д'Артаньяна?

– Д'Артаньяна? – почесал в загривке сэр Мишель. – Артаньян у нас в Гаскони, это Аквитания. Не помню такой семьи. А ты-то их откуда знаешь, на дороге грабил?

Гунтер едва сдерживал смех. Адаптация шла полным ходом. Если рыцарь требовал пойти налево, Казаков из принципа шел направо, если ему задавали вопрос, отвечал десятью своими, и вообще вел себя крайне непринужденно, заявив Гунтеру, что ему всегда был близок образ солдата Швейка, заветам какового он и будет следовать. А первым делом...

– Гунтер, мы взрослые люди, – этот разговор завязался как-то вечером. Господа оруженосцы занимались грубым физическим трудом в виде порубки дров для отца Колумбана, сэр Мишель отсутствовал, отправившись с папенькой и приехавшими в гости к Фармерам соседями на охоту, а святой отшельник незадолго до заката отправился в деревню, принимать роды.

– Взрослые, – подтвердил германец, пытаясь говорить на норманно-французском. – А также совершеннолетие и обладающие всей ответственностью перед законом и доказанной дееспособностью... И что?

– Взрослые люди не могут долго жить отшельниками, – без всяких обиняков выдал Казаков.

– Го-осподи, – Гунтер воткнул топор в колоду и вытер рукавом лоб. – И этот туда же, мало мне Мишеля! Какое счастье, что Дугал Мак-Лауд уехал, вот было бы веселье на всю округу! Успокойся, в радиусе ближайших пятидесяти километров публичные дома отсутствуют как данность. И потом, такая форма... э-э... обслуживания в нынешние времена категорически не приветствуется.

– В любом и каждом романе о Средневековье, – Сергей ударил лезвием по полешку так, что только щепки полетели, – в несметных количествах наличествуют сговорчивые крестьянские девицы, любезные к скучающим господам служанки или, на худой конец, ждущие утешения вдовы.

– Ты читал неправильные романы, – буркнул германец, но вдруг его голову посетила до неожиданности оригинальная мысль. Зачем искать что-то на стороне, когда искомый объект находится буквально в нескольких минутах ходьбы от землянки отца Колумбана? Если уж мессир Казаков решил развлечься – будет ему развлечение. Надолго запомнит.

– Вот тебе... – Гунтер залез в плоский кожаный кошелечек, висевший на ремне, и вытащил серебряный полупенсовик с профилем короля Генриха II Английского. – Вот тебе два фартинга или полпенса. Кстати, давно пора научиться разбираться в здешней денежной системе. Топай в замок, дрова я сам дорублю. Оденься поприличнее – вон, мой колет возьми. Придешь, скажешь на воротах, что новый оруженосец Мишеля, он о тебе уже там натрепался. Спросишь Сванхильд, она на кухне работает. Дашь ей монетку, а дальше сами договоритесь.

Радостно насвистывавший Казаков исчез между деревьев, взяв направление к возвышающемуся на холме темному кубу замка Фармер.

Гунтер прекрасно понимал, что сотворил злую шутку. Сванхильд, первая шлюха округи, представляла собой дородную высокорослую гром-бабу – нечто среднее между танком «Колосаль» и медведицей в период течки. Ему посчастливилось пообщаться с ней месяц назад (между прочим, с подачи сюзерена, чтоб его...) и эта встреча до сих пор не выходила из памяти. Сванхильд была женщиной солидной, но слишком уж темпераментной.

Когда стемнело, явился отец Колумбан, радостно объявил, что у жены кузнеца в Антрене родилась крепенькая здоровая двойня, и это в добавление к еще четырнадцати детям. Германец мысленно посочувствовал кузнецу, но вскоре догадался, что если все дети живы и здоровы, значит, отец и мать могут обеспечить им пропитание и нормальную жизнь. В семьях вилланов новорожденные умирали часто (впрочем, так же, как и семьях благородных), потому отцы с матерями и старались максимально приумножить свое потомство, дабы в будущем было кому передать дом, хозяйство и надел земли, арендованный у мессира де Фармера-старшего.

Казаков не возвращался.

После восхода луны заглянул Мишель – уставший, вспотевший, но довольный охотой. Рыцарь сгрузил на порог дома отца Колумбана небольшого кабанчика, собственноручно забитого пикой на охоте, какое-то время ушло на разделку тушки...

– Где это чудовище? – неприязненно поинтересовался рыцарь, быстро работая окровавленным ножом.

– Сын мой! – возмутился отец Колумбан, созерцавший, как трудятся его гости. – Как насчет того, чтобы возлюбить ближнего своего? Почему ты сердишься? Если наш новый друг не такой, как мы, то это не значит, что к нему нужно плохо относиться.

– Возлюбить ближнего, – хмуро проворчал сэр Мишель. – Где встречу, там и возлюблю... чем-нибудь тяжелым. Простите, святой отец. Так все-таки, где он?

– Ушел с визитами, – ухмыляясь под нос, сообщил Гунтер.

– По бабам, что ли? – моментально догадался рыцарь и, глянув на хитрую физиономию Гунтера, вдруг прыснул. Рука пошла менее ловко, лезвие ножа задело пузырек крови в свиной туше, и выплеснулся маленький фонтанчик черной густой жидкости. – Ты куда его отправил? Я догадался?

– Догадался, – кивнул германец. – Ты надо мной однажды пошутил, теперь настала моя очередь. Если утром твой замок обрушится, а на его месте мы обнаружим груды головешек – извиняйте. Серж и Сванхильд...

– Одни грешные помыслы! – вздохнув, прохрипел святой старец. – Хотя... Эх, мессирсы, зная Сванхильд много лет...

Отец Колумбан почему-то рассмеялся. Не будучи ханжой или дутым святошей, он прекрасно понимал, что у каждого свой путь – у священника один, а у мирянина совсем другой. К тому же молодость есть молодость.

Мишель уехал домой – любезничать и куртуазничать, благо сосед, барон де Бриссак, привез с собой не только свору и соколиную охоту, но и бледнолицую дочурку четырнадцати лет на выданье. Собственно, она предназначалась отнюдь не наследнику семейства Фармер, а его младшему брату, но отказать себе в удовольствии провести время в галантных беседах с благородной девицей сэра Мишель не мог.

Казаков не возвращался.

...Явление героя состоялось под утро.

Святой Колумбан еще спал, а Гунтер, по старой привычке проснувшийся с самым светом, выбрался к колодцу умыться и набрать воды в котел. Вскоре его внимание привлекли отчетливо слышавшиеся в полусонном утреннем лесу звуки шагов и громкое щебетанье грудного женского голоса. Германец замер, как статуя римского императора, и по его лицу поползла широченная улыбка.

– Я, милый, уж прости, дальше не пойду, – рокотала Сванхильд, и вскоре за стволами деревьев нарисовались два силуэта. – Тут божий человек живет, не буду его тревожить. На вот тебе.

– Мерси, – голос Казакова. Звук долгого поцелуя. Затем хихиканье и треск веток – это Сванхильд, как всегда, с целеустремленностью продирающегося по джунглям носорога отправилась восвояси.

На полянку перед вкопанным в землю длинным домом отшельника вырулил Сергей. Физиономия самая довольная, если не сказать счастливая. В руках – большая глиняная крынка.

– Это что? – Гунтер, не здороваясь, кивнул на коричневый крутобокий сосуд. – Между прочим, у нас в Кобленце жил русский эмигрант, бывший военный. Так вот, он утверждал, что гусары денег с дам не берут.

– Молоко. Парное. Чего ты ржешь? Ну, Сванхильд надоила утром и мне отдала. Так сказать, подарок от любимой женщины.

– А-а... – протянул Гунтер, но запнулся. Казаков понял:

– Да в порядке все! Сеновал, блин, экзотика... А тебе, кстати, спасибо. Отличная тетка. И очень добрая.

Германец понял, что шутка почему-то не получилась.

Глава вторая

Мы летим, ковыляя во мгле...

28 сентября 1189 года.

Нормандия – воздушное пространство над королевством Франция.

Вилланы к дракону скоро привыкли, тем паче, пользующийся авторитетом в баронстве отец Колумбан старательно объяснил присланным бароном де Фармер деревенским мужикам, что никакой это не дракон, а просто необычный механизм наподобие мельницы. Железная хреновина не рычала, не кусалась, есть не просила, вела себя смирно, как и полагается творению рук человеческих, созданному из холодного металла. Спустя неделю вилланы уже не обращали внимания на странный двоекрылый артефакт, возвышавшийся на краю обширного «ничейного» луга и преспокойно укрывались от дождя под широкими плоскостями.

Отец Колумбан категорически запретил крестьянам что-либо трогать, забираться на крылья или отвинчивать непонятные железки. Следовало лишь выполнять приказ: бдеть, охранять, если появится кто чужой и излишне интересующийся – немедленно сообщить отшельнику или барону де Фармер. Наступала осень, а потому на Алансонском тракте стало появляться больше торговцев, проходили многочисленные обозы с товарами, частенько направлялись на юг военные отряды. Большинство всех этих людей работали для единой цели – Крестового похода, объявленного христианскими государями. Рыцари, оруженосцы и лучники устремлялись к Марселю или другим портам побережья Южной Франции, грохотали телеги со снаряжением, припасами и просто необходимыми для большого военного предприятия грузами, спешили гонцы герцогов, королей и принцев, и, разумеется, царили невероятный хаос и бардак. Перепутанные места назначения, французской армии не подвезли лучные стрелы только потому, что оборотистые управители английского короля перехватили груз и отправили его Ричарду Львиное Сердце, подделав таможенные документы, постоялые дворы переполнены, дороги забиты, военные пьют и дерутся, гражданские дерутся и пьют. Только одна торговая и денежная цепь могла похвастаться образцовым порядком – грузы и золото, принадлежащие тамплиерам, рыцарям Ордена Храма, всегда доставлялись на место, в срок и с хорошей охраной. Остальные, в том числе и вездесущие ломбардцы, завидовали и строили козни, но связываться с могучими храмовниками в открытую не решались... Словом, все шло как обычно. Это была очень веселая осень.

Именно по причине невероятной спешки, неразберихи и запутанности, царивших на дорогах Нормандии и Аквитании, никто не сворачивал с широкого наезженного пути, ведущего от Руана через Аржантан, Алансон и Пуату на юг. Никто не углублялся в лес, чтобы отдохнуть – гораздо проще разбить временный лагерь прямо возле дороги. А, следовательно, укывище, в котором затаился «страшный дракон Люфтваффе», оставалось ненайденным.

Маленькое совещание, в котором принимали участие сам шевалье де Фармер – теоретический и практический покровитель двух весьма подозрительных оруженосцев, отец Колумбан из Ирландии, Гунтер фон Райхерт из Германии и глубокоуважаемый мессир Sergey Kasakoff из земель словенских (как он сам обозначил, «суконно-посконных») началось с утра во время завтрака. Председательствовал святой старец, роль спикера играл шевалье де Фармер, консультантом, переводчиком и позитивной оппозицией являлся Гунтер, а Сергей вошел в роль (опять же по его малопонятным даже для германца словам) «агрессивно-послушного большинства».

Святой отче, целое утро готовивший свиное жаркое и с помощью Гунтера варивший свежее пиво, больше слушал, чем говорил – как и положено высокому начальству. Тем более, что тема для обсуждения была выбрана самая животрепещущая.

Повестка дня оказалась простой: как добраться до Мессины? Дугал Мак-Лауд и Гай Гисборн отправились в Марсель больше недели назад и сейчас должны находиться где-то в районе Тура, если не влипли в какое приключение. Догонять их на лошадях бесполезно. На руках имеется прямой приказ Его святейшества апостольского понтифика всей Британии архиепископа Кентерберийского Годфри де Клиффорда – доложить о последних событиях на Альбионе лично королю. И уж, конечно, настоящей управительнице обширного английского королевства, Элеоноре Аквитанской, королеве-матери.

– Прямо Екатерина Медичи какая-то, – сказал Казаков по-английски, обращаясь к Гунтеру. – А твердили – в Средневековье женщинам ничего не разрешалось...

– Элеонора – великая королева, – ответил германец, наблюдая, как разгорячившийся сэр Мишель спорит с отшельником о стоимости припасов и ценах на продукты в лавках Аржантана. – Ты прав, это Екатерина Медичи своего времени. Ричард интересуется только войной, принц Джон молод и неопытен, Годфри занимается больше делами духовными и экономическими... Высокую политику создает Элеонора. В ее руках все нити управления государством.

– Круто, – согласился Сергей. – Одним словом, серый кардинал в юбке. Сколько лет бабушке, семьдесят? А я слышал, будто в Средневековье рано умирали...

Далее дискуссия приняла несколько иное русло и Казаков, приоткрыв рот, натужно пытался понять жуткий диалект, в котором смешались язык салических франков, облагороженный латынью, и наречие скандинавов, осевших в Нормандии. Часть фраз он уже разбирал без труда – известно, что большинство «германских» европейских языков имеют одни корни, а, зная хотя бы один из них, быстро научишься говорить на другом.

Суть словопрений сводилась к следующему: на руках имеется странный и до сих пор не раскрытый заговор одного из князей Святой Земли, пытающегося помешать Крестовому походу и устранить с политической сцены Европы его главных устроителей. Доказана связь этого человека с сектой фидаев-ассасинов. Канцлера Англии и принца Джона уже пытались убить, значит, теперь удары будут наноситься в других направлениях. Прежде всего под угрозой жизнь Элеоноры Аквитанской и самого умного политика этого столетия – французского короля Филиппа-Августа. И, без сомнения, предводителя крупнейшей, отлично вооруженной и мощной армии: императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы. Как только эти трое покинут бранный мир, Крестовый поход захлебнется. Ричард не в счет.

Именно эти соображения высказал Гунтер.

– Как я люблю интеллигенцию, – откровенно фыркнул Сергей, как раз тогда, когда его не спрашивали. Сэр Мишель глянул на германца, ожидая перевода фразы. – Сидят в захолустье, жрут пиво и решают судьбы мира, на которые никак не могут повлиять ни словом, ни действием. Кстати, почему Ричард-то не в счет?

– Ты Вальтера Скотта начитался? – Гунтер соболезнующе посмотрел на русского. – Ах, не только? Да пойми ты, что Ричард – не король. Он просто... просто... рыцарь. Война, личная слава...

– Ясенько, otmozok, – ввернул непонятное слово Казаков. – Торцевать и жопу рвать.

– Чего? – Мишель прислушивался, но, как обычно, ничего не понимал.

– Имеется в виду, – сладенько проворковал Гунтер, – что мессир Серж полностью поддерживает наше мнение о короле Ричарде как о рыцаре без страха и упрека, не способном, однако, заниматься политическим управлением государства.

– Ага, ага, – кивнул сэр Мишель. – Как впереди скакать на белом коне – так он первый, как страну спасать – все делает его престарелая мать и шевалье де Фармер со своим оруженосцем.

– Гордыня – грех, – машинально напомнил отец Колумбан, услышав слова рыцаря. – В том-то и беда, что мы слишком много знаем, но ничего не можем поделать.

– Именно, – безобразно коверкая норманно-французский, подтвердил Казаков. – Что мы сейчас делаем, джентльмены? Правильно, разговариваем. Размазываем сопли по столу. Вот Гунтер военный, он со мной согласится. Приказ есть? Есть.

– Есть, – кивнул германец. – На руках письмо от канцлера и принца, которое мы обязаны доставить лично в руки Ричарду и королеве-матери.

– Тогда о чем... bazar? Приказ получен – выполняйте, доложите об исполнении и ждите дальнейших распоряжений непосредственного начальника.

– Он прав, – глубоко кивнул отец Колумбан, и повернулся к русскому. – А потому... Серж, сын мой, ты немного пообвыкся у нас?

– Самую малость, – деревянно ответил Казаков, не желая углубляться в подробности.

– Замечательно. Делай, что должно, и будь, что будет, – не без патетики процитировал старец главнейший рыцарский девиз. – Посему – езжайте на юг, встречайтесь с королем... Жаль, что я не смогу полететь с вами на драконе, а так бы хотелось!

– Др-ракон, – рыкнул сэр Мишель самым недовольным образом. – Нет, чтобы как люди! Мне вот папенька может целое копьё выделить. Десять лучников во главе с старым Виглафом. Конюх еще с дедушкой воевал, наше дело знает. Два оруженосца. Свой вымпел...

Мишель говорил быстро, поэтому Гунтер наскоро перевел для Сергея слова рыцаря на английский.

– Gniloy pont, – отозвался Казаков новыми непередаваемыми словами. – Скажи ему, что любая автономная операция, проводимая без прикрытия, поддержки официальных властей и способная привлечь к себе внимание потенциального противника должна проходить максимально бесшумно. Гунтер, ты представь: у нас с собой засекреченное послание от премьер-министра главе государства, теоретически мы находимся под прицелом ваших арабских террористов, этих, как их...

– Ассасинов? – подсказал германец.

– Во! Как ты мне говорил, вы еще грабанули бывшего канцлера на внушительную сумму. Этим могут заинтересоваться. Третье: если верить в самое невероятное, за нами старательно наблюдает существо, называемое тобой дьяволом. Не верю в сверхъестественные штучки, пока сам с ними не столкнулся, но все же не учитывать эту силу тоже нельзя. Раз уж вы в нее верите. Надо ехать быстро, незаметно и так, чтобы не успели перехватить. Никаких торжественных процессий. Ваша летающая консервная банка – лучший вариант.

– Особенно в союзе с определением «незаметно», – усмехнулся Гунтер. – Представляешь, какой фурор будет во время нашего приземления в Сицилии?

– А ты не уподобляйся вашему соотечественнику Матиасу Русту – потом расскажу эту историю – и не сажай машину на главной площади города, – отрезал Казаков. – Тогда и будет незаметно.

Отец Колумбан и сэр Мишель напряженно слушали перепалку на английском. Рыцарь разбирал от силы одно-два слова, а куда более опытный и многознающий старче сдвигал густые брови. Ему этот язык был в достаточной степени знаком.

– У вас писали романы про шпионов? – как бы невзначай осведомился Гунтер у Казакова. – Понимаешь, твои выкладки больше напоминают плохой детектив, который можно купить в любом книжном магазине Берлина. Имелся у нас один литературный герой, порождение фантазии писателя Альбрехта Шредера. Агент Абвера. Воображаю, как он повел бы себя здесь и сейчас. Прямо как ты. Враги кругом, на нас охотятся все и каждый, драки, стрельба, злобные шпионы английской или французской разведки...

– Не наезжай, – серьезно покачал головой Сергей. – Во-первых, шпионы английской разведки, если уж говорить строго – это мы. И никак иначе. Во-вторых, сколько бы ты не разгла-

гольствовал о всяких премудрых разностях типа менталитета, особенностей поведения человека двадцатого века в веке двенадцатом, ты все равно их немножко презираешь. Считаешь более примитивными. Тайные службы существовали всегда и везде, и у меня есть такое ощущение, что сотрудники византийского или свяшенно-римского гестапо куда умнее, изворотливее и проникательнее служащих контор далекого будущего. В нашем распоряжении имелась снимающая значительную часть проблем техника – в Германии твоего времени попроще, у нас посложнее. Местные спецы полагаются только на свою сообразительность. Если я хоть в чем-то прав, то противник нам попался выдающийся. Потому что мы его не знаем, не представляем себе, какие методы он используют, каковы связи, резидентура, оперативный охват, есть ли специальные подразделения...

– Остановись, – простонал Гунтер. – Шпионский роман, один к одному! Ты еще скажи, что ко мне и Мишелю по выезде из Лондона хвоста прицепили! Либо Дугал, либо Гай... Смешно!

– Совсем не смешно, – германец впервые видел Казакова настолько озабоченным. – Раньше, не зная ваших заморочек, я был полностью спокоен. Да, двенадцатый век, рыцари-гербы-прекрасные дамы... А ты умудрился влезть в сферу, касающуюся по-настоящему Большой Политики. И, похоже, не представляешь, насколько это опасно. Плевать, откуда родом эта Большая Политика – из древнего Рима, Германии Адольфа Гитлера или России начала третьего тысячелетия. Проигравших в такой игре сжигают без масла.

Гунтер закатил глаза.

– Когда выезжаем? – Мишелю категорически надоело слушать языколомную болтовню и он решил взять быка за рога.

Решили следующее: вылет состоится сегодня ближе к вечеру, с таким расчетом, чтобы появиться в небе над Сицилийским королевством перед рассветом. Меньше возможность привлечь внимание. Топлива в самолете более чем достаточно – следовало бы сдержанно поблагодарить Князя Ночи, однажды из любезности к Гунтеру наполнившего баки горючим. Тяжеленные бомбы с «Юнкерса» давно сняты, их заменили хитроумно приспособленные отцом Колумбаном бочки с великолепно очищенным спиртом. Гунтер не совсем хорошо представлял, как в случае чего двигатель и карбюратор самолета примут новое топливо, однако надеялся на лучшее.

Вещи собраны – германец и сэр Мишель недаром ездили несколько дней назад в Аржантан за припасами. Сергею выдали новую одежду, состоявшую из стандартного набора – рубаха длиной чуть выше колен, штаны из тонкой кожи и грубоватая, но удобная куртка с совершенно непригодным французским названием. Более всего Казакову понравились сапоги, сшитые без разницы на правую и левую ногу. Вскочив при тревоге, хватай любой и запросто натягивай.

Днем Гунтер и Мишель съездили в поместье, к господину барону – попрощаться. Отец Колумбан и новый оруженосец подготовили лошадей, поклажу и небольшой запас еды.

Первому в истории двенадцатого века дальнему перелету по маршруту «Нормандия – Сицилия» предстояло начаться перед закатом.

* * *

От Средненормандской возвышенности до королевства Сицилийского, ныне находящегося под скипетром Танкреда из рода Гискаров, по прямой насчитывается меньше полутора тысяч километров. То есть максимальный запас дальности пикировщика «Юнкерс-87». Никаких удобств наподобие подробных карт, радиомаяков, а уж тем более аэродромов не предполагалось, но, как известно, техника времен Второй Мировой куда менее прихотлива летающих аппаратов эпохи техногенной цивилизации – «Юнкерс» отлично может приземлиться не

только на бетонированном поле, но и на достаточно широкой грунтовой дороге, заливном лугу или крестьянском поле.

В распоряжении Гунтера находился только достаточно подробный военный план северной Франции и южного побережья Британии, а также крайне маленькая и схематичная общая карта Европы. У Казакова, впрочем, оказалась неплохая память и они вместе с отцом Колумба-ном довольно быстро восстановили на пергаменте относительно точную карту. Получалось, что маршрут должен выглядеть следующим образом: от баронства Фармер курс пролегал строго на юго-восток. Основными ориентирами послужат крупные реки, прежде всего рассекающая Аквитанию с восхода на закат широченная Луара, вдоль русла которой и предполагалось следовать. К счастью, на планах Гунтера присутствовал Орлеан и было высказано здравое предположение – вряд ли столь крупный город, стоявший на северном берегу Луары как раз там, где река выгибается гигантской дугой, за семьсот пятьдесят лет куда-нибудь сместился. Если правильно рассчитать курс, то стены Орлеана появятся под плоскостями «Юнкерса» уже на первый час полета. Далее остается не терять из вида реку, вдоль по течению которой должны встретиться Бриар, Невер – столица одноименного графства, Роан, а приблизительно через сорок-пятьдесят километров, сразу за еще одной точкой ориентира – горой Сен-риго – столица Бургундии Лион и полноводная Рона, текущая почти строго с севера на юг.

– А что будем делать, если топлива не хватит? – поинтересовался Казаков. – Или если с дороги собьемся? Вообрази: наступает утро, под нами Средиземное море, пилим мы прямым к берегам Африки... Двигатель вырубается и... У тебя сколько парашютов?

– Два, – недовольно ответил Гунтер. – Один мой, второй я забрал у Курта. Помнишь, я рассказывал – мой стрелок-радист, погибший во время битвы за Британию? Ты вообще с парашютом когда-нибудь прыгал?

– Приходилось, – подтвердил Сергей. – Получается, что у нас с рыцарем один парашют на двоих. Ладно, риск – дело благородных. Только воображаю, как он визжать станет.

– Сударь, не блажите, – Гунтер фыркнул и снова уткнулся в нарисованный план. – Лети мы в Швейцарию или Германию, где с ориентирами действительно сложно, тогда у нас имелся бы прекрасный шанс заблудиться. Погода сейчас отличная, ночи лунные, реки прекрасно видны...

– А германская техника – лучшая в мире, – сказал Казаков и непонятно было, ерничает он или говорит серьезно. – Дальше показывай.

– Дальше еще проще. Как только мы видим морское побережье, мы соображаем, что перед нами огромный залив, обычно именуемый Лигурийским морем. Справа Корсика, слева Италия. Держимся прежнего юго-восточного направления, двигаясь вдоль итальянского побережья. Шесть часов – и Сицилия перед нами. Ошибиться невозможно.

– М-мда, – Казаков вытер нос рукавом. – Конечно, это не месяц пути... Я бы предпочел, правда, какой-нибудь аппарат посовременнее, хотя и винтовые машины тоже неплохи. Напрашивается одна старинная русская поговорка: «Гладко было на бумаге». Ты предусмотрел вариант аварийной посадки?

– Думал, – нахмурившись, сказал Гунтер. – Во Франции это сделать легче легкого. Равнины, множество обработанных полей. Над Бургундией посложнее, в районе истоков Луары и Алье – горы. На левом берегу Роны начинаются предгорья Альп. Все западное побережье Италии в холмах. Если что-то случится с машиной, я предпочитаю, чтобы это «что-то» произошло не позже времени, когда мы минуем Рону.

– А Сицилия? – уточнил дотошный русский.

– Склоны Этны пологи, по крайней мере, были такими в двадцатом веке. Приземлимся.

– Дело барское, – пожал плечами Казаков. – Одного не пойму, как мы уживемся в твоим сюзереном в тесной кабине стрелка-радиста. Ладно, проехали. Вещи собраны, монах с лошадьми ждет. С Богом или как?

– Только с Богом. Вот и кончилась спокойная жизнь, – скривился в натужной улыбке Гунтер и окликнул рыцаря на старофранцузском: – Эй, Мишель! Ты письмо канцлера не забыл?

Рыцарь похлопал себя по груди, указывая, что подписанный принцем Джоном и Годфри пакет покоится за пазухой.

* * *

Осень 1189 года по Рождеству Христову ознаменовалась множеством великих и малых событий, так или иначе повлиявших на судьбы Европы, Святой Земли, арабского мира, да и всего цивилизованного человечества. Безусловно, сотням тысяч китайцев или сошедшимся в поединке за императорский трон японским семьям Минамото и Тайра на крестоносные войны было глубоко плевать – на берегах Тихого океана о них знали только по рассказам редких купцов, добравшихся до границ Поднебесной из Европы. Цивилизация не ограничивала себя рамками франкских королевств, Египтом, Византийской империей и Аравийским полуостровом. Имелись еще Киликийская Армения, Грузия, Конийский султанат, десятки маленьких и больших королевств, княжеств Руси, сельджукских эмиратов, государств, коими владели прямые и не прямые наследники пророка Мухаммеда – политическая жизнь двенадцатого века была насыщенной и куда более сложной, нежели через семь с половиной столетий спустя.

Султан Салах-ад-Дин пытался ослабить влияние крестоносцев в Палестине, ставя целью окончательную победу ислама. Император Андроник Комнин занимался тем же самым, только он предпочитал поразить в правах и арабских эмиров, и единоверцев с Запада. Фидаи Старца Горы воевали против всех, однако заветы основателя секты Хасана ибн Саббаха постепенно забывались, и великолепно обученных наемных убийц могли теперь нанять прочие противоборствующие стороны. Король без королевства, номинально носящий титул повелителя Иерусалима Ги де Лузиньян уныло топтался под Аккой, ожидая помощи от Ричарда и Фридриха Барбароссы. Сам престарелый рыжебородый император германцев почитал Крестовый поход завершением своей бурной карьеры и вел бесчисленное войско через Болгарию к Малой Азии. Маркграф Конрад Монферратский, вроде бы человек мирный и респектабельный, с ужасно таинственным видом мотался между Константинополем, Кипром и Святой землей, вкрадчиво нашептывая иноземным владыкам что-то весьма любопытное...

Рыцари Ордена Храма под водительством Великого Магистра Франсуа Жерара де Ридфора в нынешние времена куда более интересовались торговлей, нежели войной, и любой желающий, отправляясь в далекое путешествие, мог доверить свои сбережения казначею любого из командорств, получить заемное письмо, заверенное печатью с изображением двух рыцарей, едущих на одном коне, и за тысячи миль от родного дома получить необходимую сумму в местном командорстве. Банки тамплиеров почитались самыми надежными и даже прожженные купцы из Ломбардии и Северной Италии, воротилы-генуэзцы и хитрюги-венецианцы не могли соперничать с тамплиерами, хотя сами придумали слова «банк», «вексель» и «депозит».

Вассалы Фридриха Барбароссы беспрестанно воевали в Польше против жмуди, пруссов и языческих литовцев – у германских рыцарей шел свой Крестовый поход. Иоанниты или госпитальеры оставались единственными, кого мало заботили завоевания и прибыли; воители святого Иоанна Крестителя уважались даже мусульманами за устройство больниц, постоялых дворов и благотворительность. Рыцари Кастилии, образовав свои ордена, дрались с захватившими Иберию маврами. На севере Британии, как всегда, бурлил и полыхал очередной шотландский мятеж. В Лангедоке...

Никто не знал, что в действительности происходило в Лангедоке, ибо, по всеобщему мнению, эта цветущая провинция являлась оплотом спокойствия, благопристойности и богатства. После суда над предводителями альбигойцев в 1165 году еретики притихли и вроде бы склонились перед римским крестом, граф Тулузский почитался могущественнейшим из владык.

В окрестностях замка Ренн-ле-Шато уже несколько лет вели охоту на волкодака и никак не могли одного изловить... В тот самый день, когда Гунтер, мессир Казаков и шевалье де Фармер обсуждали кратчайшую дорогу к Сицилии, ноттингамский рыцарь Гай Гисборн, шотландский дворянин Дугал Мак-Лауд и двое торговцев – мистрисс Изабель Уэстмор со своим сопровождающим Франческо Бернардоне – слушали в одном из постоянных дворов городка Муассак любопытнейшую историю о давно сгинувшем королевском семействе Меровингов...

Все и каждый находились при деле и при месте. Все, кроме короля Ричарда Львиное Сердце. У него опять были проблемы. С деньгами, друзьями, союзниками, армией, невестой, собственной матерью, своим королевством, Крестовым походом и похмельной головной болью. Те, кто знал Ричарда близко, ничуть его не жалели, заглазно утверждая: «Сам виноват».

* * *

Ночь, как и предполагал Гунтер, выдалась светлая. Над Нормандским герцогством и всей Францией к северу от Ангулема нависал купол черно-синего неба, по которому плыла широкая река Млечного Пути. Поглядывала, удивляясь копошению двуногих букашек, Большая Медведица, Орион держал руку на мече, что крепился к поясу из трех звезд, чиркали, мгновенно сгорая, огоньки метеоров (сэр Мишель ужасно боялся, что один из них попадет в дракона Люфтваффе и долго расспрашивал Гунтера о возможных последствиях). Было прохладно и при дыхании или разговоре изо рта появлялись легкие перышки пара.

Вещи уложили еще перед закатом, да и было их не слишком много. Гунтер, припомнив все места, которые использовал в качестве тайников Курт Мюллер (приехав на поле, где стоял «Юнкерс», германец навестил могилу своего бывшего напарника и попросил старца Колумбана прочитать молитву), распихал туда связки с запасной одеждой и какое-то количество еды на первое время. Все остальное следовало купить в Сицилии, благо денег было в достатке – часть доставшихся в сомнительное наследство от почившего канцлера де Лоншана необработанных алмазов Гунтер и Мишель продали итальянскому ювелиру, съездив на прошлой неделе в Аржантан. Собственно, огромное по нынешним временам состояние, реквизированное германцем у Лоншана, уже давно было поделено: сэр Мишель выдал равные доли Гаю и Дугалу, половину оставив для себя и своего оруженосца. То, что появился третий член компании, положения ничуть не усложняло – английского серебра и венецианского золота, аккуратно разложенных по мешочкам, должно было хватить очень надолго. Мишель заявил, что на такую сумму – не меньше тысячи английских фунтов – при желании можно будет собрать целый отряд наемников или бедных дворян.

– Тысяча? Всего? – переспросил Казаков. – Это же мало!

– Ничего не мало, – с жаром ответил рыцарь. – У папеньки годовой доход от баронства всего триста пятьдесят! В год! Вот когда мы с Гунтером были в Англии, шевалье де Ланкастер, новый шериф Дувра, сказал, что Дуврский замок, который строили пять лет, обошелся казне в семь тысяч фунтов. А ты говоришь – мало!

– Надо будет разобраться с местной экономикой, – Казаков, почесав коротко стриженный затылок, посмотрел на Гунтера. – Я и раньше по твоим рассказам предполагал, что деньги здесь ценятся гораздо дороже. Значит, меня в деревне все-таки обсчитали.

– Четыре курицы за два пенса? – ахнул германец, когда выслушал объяснения. – Лошадь стоит пенс и, кстати, неплохая! Найти бы этих вилланов да морды им набить!

До восхода луны отец Колумбан отослал по домам крестьян, охранявших «дракона», раздав им напоследок святое благословение и мелкие монетки. Сейчас не нужны были лишние свидетели. Гунтер с Мишелем быстро развели громадный костер, чтобы германец мог подготовить аппарат к взлету, а Казаков с видимым удовольствием обследовал «Юнкерс», то и дело охая и бросая короткие, но выразительные словечки на русском.

Германец засел в кабину. К сожалению, заднюю часть фонаря разнесли английские пули, но постоянно наведывавшийся к самолету за время отсутствия Гунтера и Мишеля отец Колумбан заботливо прикрыл выбитое стекло промасленной парусиной, а значит, приборы не отсырели и не испортились.

Альтиметр, компас, спидометр... Все в норме. Топлива полные баки, пусть и получено оно путем если не мистическим, то сказочным. Часы следует подзавести и поставить на местное время – у Гунтера сохранился наручный хронометр, который он старательно держал в абсолютной чистоте и порядке, так что представление о времени у него сохранялось. Интересно, в Сицилии другой часовой пояс или нет? Если Нормандия живет по меридиану Гринвича, то в королевстве Танкреда... Правильно, на час больше. Еще на один час Гринвич опережает Греция и территория Малой Азии – Византия. Если сейчас одиннадцать вечера, то в Константинополе и Иерусалиме час ночи.

Стукнули по броне правого крыла сапоги с подковками и в кабину, освещенную желтоватыми бликами пылающего неподалеку костра сунулась физиономия Сергея Казакова.

– Аппаратурка мизерная, – доложил он, осмотрев приборную доску. – Аккумулятор в порядке? Он же тут больше месяца простоял! Вот уж действительно – немецкая техника самая лучшая.

– Все агрегаты, – Гунтер откинулся на спинку сиденья, – самые новейшие. И наиболее надежные. Это же военная машина!

– Летучий Франкенштейн, – гордясь техническими достижениями своей эпохи, поименовал моноплан Сергей. – Не понимаю, как такое вообще летать может...

– С помощью этого «летучего Франкенштейна», – ядовито парировал Гунтер, – Третий Рейх разделал под орех Бельгию, Голландию, Норвегию и Францию. Если тебе не нравится – можешь идти пешком. Я хорошо рассмотрел твой вертолет, между прочим. Тамашние системы управления не приспособлены для нормального человека. Вы слишком все усложнили. Половина победы – простота.

– Ладно, ладно, – Сергей примирительно вытянул руки ладонями вперед. – Вылезай, давай быстро поужинаем – котелок закипел – и погнали. Взлетим в полночь, в шесть утра будем порхать над Италией. Ты, кстати, сдюжишь? Шесть часов за штурвалом, а автопилота нет.

– Помнится, – Гунтер с кряхтением перебрал ногу через борт кабины, – в апреле тысяча девятьсот сорокового наша эскадра делала по четыреста боевых вылетов в сутки. Я как в пять утра садился в кресло, так в пять утра следующего дня и вылезал. Это считая с краткими посадками на базе для дозаправки и перевооружения.

Они спрыгнули с крыла на траву, а германец продолжал просвещать:

– ...И ты учитывай, что нам сейчас предстоит обычная воздушная прогулка. Лег на курс и держи себе азимут, да изредка корректируй. А там была война. Французы летали, зенитки били. Сам видишь – жив и здоров.

– Здоров, – буркнул Казаков. – С какой скоростью пойдем – двести пятьдесят в час? Задний фонарь разбит, воображаю, какой ветрюга будет. Простудимся мы с рыцарем...

– О чем разговор? – бодро поинтересовался сэр Мишель, помешивавший в котелке обструганной палочкой. Сын барона де Фармер трепетал в ожидании предстоящего приключения. Полетать на драконе – это вам не фунт изюму! Только подумайте: ночью в Нормандии, а утром уже в королевстве Сицилийском!

Следует заметить, что Мишель вообще перестал бояться дракона. Не последнюю роль здесь сыграли рассказы Гунтера о техническом прогрессе будущего и речи отца Колумбана, который сумел убедить молодого норманна, что зубастый Люфтваффе не представляет для человека никакой опасности. Без сомнения, у рыцаря оставались нехорошие подозрения – мало ли чего может выкинуть дракон! Но после того, как нынешним вечером ирландский монах прочитал перед железным чудовищем святую мессу и окропил его крыла святой водой, Мишель

более-менее успокоился. Кстати, дракона окрестили прежним имечком «Люфтваффе», теперь уже официально, пред ликом Святой Матери-Церкви в образе отца Колумбана.

Пужинали вареными овощами с мясом, соблюдая полное молчание. Гунтер нервничал, побаиваясь предстоящего путешествия, ибо первый раз в жизни (если не считать истории с полетом от Англии к Нормандии) собирался вести машину на свой страх и риск. Мишель, старательно играя бесстрашного рыцаря, выкраивал на физиономии безразличное выражение, но изредка теребил поддетую под куртку кольчугу. Он почти не сомневался, что легкий доспех поможет ему в случае, если дракон вздумает заснуть в полете и свалиться на землю. Казаков озабачивался совсем другим. Если что-то действительно пойдет не так и неправильно, возможность закончить карьеру раз и навсегда представлялась самой реальной. Гунтер не станет забираться высоко из-за боязни заморозить своих попутчиков – «Юнкерс» пойдет на высоте от силы полутора километров. При падении выбраться с тяжелым рюкзаком парашюта и рыцарем в охапку (а Мишель явно начнет сопротивляться, когда его потащат из кабины) почти нереально.

– Значит, так! – первым нарушил излишне затянувшуюся паузу отец Колумбан, смотревший почему-то не на собеседников, а на привязанных к деревьям лошадей. – Как доберетесь, немедленно найдите человека, который возвращается во Францию или Нормандию. Отправьте мне депешу. Не хочу лишний раз беспокоиться за ваши дурные головы.

– Конечно, – кивнул рыцарь. – Я прослежу. Отправим пергамент папеньке, а уж господин барон все передаст вам, святой отец. Благословение дадите?

– Благословляю, – старик быстро отмахнул в сторону трех молодых людей крестное знамение. – Но... Но не буду вас наставлять. Господь сам распорядится. Опасайтесь одного: дьявол не есть победа плоти. Дьяволом обращаются гордыня и спесь вашего разума.

Отец Колумбан поднял глаза к чистому звездному небу и тотчас перевел взгляд на Гунтера:

– Близко к полуночи.

Германец задрал рукав теплой куртки на меху и глянул на часы. Добрые швейцарские ходики показывали без четверти двенадцать.

Никакого сопливого прощания, к радости Гунтера, не было. Старец только приобнял сэра Мишеля, своего давнего воспитанника, перекрестил всех троих, бормоча какую-то латинскую молитву, и отошел в сторону. Более знакомый с грядущими технологиями Сергей помог Гунтеру закрепить ремни парашюта, сам надел таковой, и наполовину жестами, наполовину словами уговорившись с сэром Мишелем через каждый час меняться местами, полез в кабину стрелка-радиста, предварительно забрав наушники и привешенный к ним черный микрофончик для того, чтобы переговариваться с Гунтером во время перелета.

Устроились так: германец, разумеется, в передней кабине, со всем комфортом. Щелкнули пряжки ремней. Сэр Мишель взгромоздился на измызганное высохшими коричневыми пятнами крови кресло стрелка, а Казаков змеей свернулся у него под ногами, в пространстве задней части фюзеляжа, под стойкой пулемета. Пожалуй, там было бы тесно даже сурку, но Сергей пока не жаловался – не пройдет и часа, он погонит Мишеля с кресла и утрамбует в эту неудобную нору.

– Поехали?! – громко крикнул Гунтер, закрывая фонарь кабины и нажимая на кнопку замочка. – Поехали...

Он в последний раз махнул рукой отошедшему подальше святому отцу, включил зажигание, отжал рычаг газа и двигатель, несколько раз недовольно чихнув, взревел. Три лопасти винта обратились в призрачный круг.

«Только бы ни одной ямы по пути... – лихорадочно думал германец, хотя самолично, еще днем, обследовал довольно ровное поле. Кочки, конечно, были, но крепкому „Юнкерсу“

они не причинят никакого вреда, благо амортизация шасси отличнейшая. – Слава Богу, что ночь такая звездная. Как по заказу... Или все-таки по заказу?»

Двигатель разогрелся и Гунтер ослабил педаль тормозов. Тяжелый аппарат сдвинулся с места, полетели искры от костра, попавшего под воздушную струю, забеспокоились лошади, находившиеся под охраной святого Колумбана. Пилот вырулил из прикрывавшего самолет ивняка на ровное место, приостановил машину и, дав движку возможность набрать требуемые обороты, резко отпустил «Юнкерс».

Машину затрясло, она рванулась вперед, подпрыгивая на неровных бороздах травяного луга, впереди за стеклом сияла Полярная звезда. Гунтер плавно потянул штурвал на себя, безотказно поднялись элероны на крыльях и...

Тряска прекратилась, сменившись плавным покачиванием. Страшный дракон Люфтваффе, зубастое порождение двадцатого века, резко ушел вверх, затем повалился на левое крыло, забирая к юго-востоку, а за спиной германца послышалась восторженно-испуганное уханье. Сэр Мишель успел разглядеть несколько редких огоньков внизу – папенькин замок, казавшийся в лунном свете маленькой черной коробочкой.

– Как дела? – в наушниках шлема послышался голос Казакова. – Наша консервная банка соизволила отправиться в полет?

– Заткнись, – буркнул Гунтер, наблюдая за подсвеченным зеленоватым огоньком компасом. – Пока я не увижу впереди Орлеан, постарайся не отвлекать.

Отвлечение все равно последовало. Еще до того, как пикировщик набрал крейсерскую скорость и необходимую высоту, на все нормандское поднебесье разнеслась странная песенка:

– Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы к родной подлетаем земле...

– Чего-чего? – Гунтер при всем желании не понимал русский язык, но мелодия ему понравилась.

– Вся команда цела,
И машина пришла,
На честном слове
И на одном крыле!..

Вскоре, следуя уговору, в нору под пулеметное гнездо забрался сэр Мишель и сладко заснул – рыцаря чутко укачало. В кресле угнездился Сергей, поджав ноги и накинув капюшон, дабы защититься от ветра. Русский не уставал мотать головой направо-налево и всматриваться в черноту под самолетом.

– Глянь-ка на огоньки, пятнадцать градусов левее курса, – щелкнула внутренняя рация и задумавшийся о чем-то своем Гунтер встрепенулся. – По-моему, замкнутая цепочка факелов.

– Орлеан, – уверенно ответил германец. – Освещение по периметру укреплений. Видишь, стены крепости чуть посветлее окружающей местности? Кажется, главный ориентир найден. А вот и река, – в голубовато-сером лунном свете заблестел широкий серп водного потока, на северном изгибе которого пристроился город Орлеан. – Все, можешь отдыхать, дальше работаю я. Чего рыцарь?

– Дрыхнет, – рывкнул в наушниках веселый голос. – Не пережил такого количества новых впечатлений. Ты бы слышал, как он при взлете верещал! Понравилось феодалу.

Зеленовато-черный длинный пикировщик германских ВВС медленно, но верно прорывался к югу.

Спустя полтора часа Гунтер осведомил Казакова о том, что их самолет нарушил воздушное пространство суверенного герцогства Бургундия.

Глава третья

Классика странствий

29 сентября 1189 года, утро и день.

Склоны вулкана Этна – поселок Джарре, Сицилия.

Пикирующий бомбардировщик, созданный фирмой «Юнкерс» и сошедший с конвейера в середине 1939 года по пришествию Христову – кружил над королевством Сицилийским неподалеку от конуса вулкана Этна. Фюзеляж моноплана украшали невиданные в XX веке опознавательные знаки – на белом щите-домблоне чья-то рука вывела красный христианский крест, более всего напоминающий символ королевства Английского, крест Святого Георгия (отец Колумбан намеренно расстарался, сообщив Гунтеру, что если уж он принял подданство короля Ричарда, то и герб на боках дракона надо сменить с германского на британский).

Где-нибудь в середине столетия, отмеченного двумя мировыми войнами, созданием термоядерного оружия и кинематографа подобный летательный аппарат с изломанным крылом и пулеметами в консолях выглядел бы вполне естественно. Но сейчас... Октябрьским утром 1189 года от воплощения Спасителя подобная картина смотрелась жутковато.

Покачивалась на волнах ласкового Средиземного моря армада английских и французских кораблей, на флагманских судах, облаченные в полную броню, стояли величайшие государи Европы – король Англии Ричард I Львиное Сердце, сын короля Генриха II Плантагенета, и владыка маленького, но процветающего королевства Французского Филипп II Август. Король Ричард шел на Мессину, к королю Танкреду.

Солнце натужно, будто нехотя, выбиралось из-за горизонта на востоке, окрашивая Тирренское море золотыми ослепляющими бликами, в отдалении мелькали разноцветные пятнышки парусов и темные коробочки рыбацких лодок, на юге громоздились недовольные всем миром и самими собой черные кучевые облака – над Средиземноморьем собиралась редкая в это время года гроза.

Облезлый дракон Люфтваффе на последних литрах топлива высматривает более-менее ровную площадку для приземления. На его бортах красуются две большие цифры 77 и герб эскадры StG-1 с черным кочетом на желтом поле, украшенным ярко-красными уголками. Ложась на левое крыло, самолет огибает конус вулкана, отбрасывая бледную, почти незаметную тень на тонкий слой снега, покрывший застывшую лаву.

«Так, только по привычке не нажать рычаг бомбометателя, иначе наши бочки со спиртом полетят на головы самым обычным селянам, – подумал Гунтер. – Ну что ж, идем вниз...»

Далеко внизу виднелись зеленые поля, сливавшиеся в единую изумрудную полосу с маленькими вкраплениями цветных пятен – наверняка купы цветов. Справа и впереди горный Сицилийский хребет, поросший редким лесом, иногда голые скалы желтовато-коричневого цвета, за гладью моря разгораются оранжевые, по краям окрашенные голубым и синевато-зеленым цветом неба лучи восходного солнца. Гунтер ради порядка бросил короткий взгляд на свои золоченные часы, исправно заводимые каждое утро и каждый вечер. Стрелки показывали 5.45 по меридиану Парижа.

...Королевство Сицилийское, некогда завоеванное вездесущими скандинавами, населено не густо. Люди живут на побережье, возле крупных портов, главных перевалочных баз торговли венецианских, генуэзских и римских купцов, отсылающих свои товары дальше на юг,

в Тунис, на Сардинию или к Великому Шелковому Пути, идущему от Антиохии до Самарканда и далее в неизведанные земли Китая, Индии и островных королевств Индийского океана. В 1189 году нога европейца, христианина не ступала на богатые и плодородные почвы жарких языческих стран, ни один франк, германец, ромей или русский не добирался до владений индийских махарадж или императоров Поднебесной... Безусловно, легкие на подъем викинги еще лет триста назад служили в наемных войсках халифа Багдадского, считаясь самыми лучшими воинами мира, через Каспийское море, а дальше сушей приходили в Самарканд и Бухару... Норманны, викинги, дети скалистых норвежских и датских берегов, показали себя во всех частях обжитого мира, для цивилизованных европейцев-франков неизвестных и таинственных. Не перечить государствам, созданным выходцами с воинственного Севера – Сицилия, Нормандия, королевство Английское, завоеванное герцогом Вильгельмом Бастардом, ставшим королем туманных островов. Африка, Италия, Франция, наконец, Русь... Правда, завоевать земли словинов норманнам не удалось, но Рерик Скёльдунг, именуемый чаще Рюриком, стал основателем династии, продержавшейся на русском троне более пятисот лет, а все государи великой страны, названной позже Россией, вели свой род от славной семьи Скёльдунгов-рюриковичей, по преданиям, происходившей от детей самого Одина...

Человек, разбирающийся в военной технике, подивился бы на несколько странный вид снижающегося к зеленым горным лугам «Юнкерса». Нет, безусловно, стандартная армейская черно-зелено-серая окраска сохранилась, опознавательные знаки, пусть и странные, на месте, но почему вместо тяжелой пятисоткилограммовой бомбы SC-500 на штанге бомбометателя виднеется огромная, промазанная смолой деревянная бочка? Консоли крыльев вместо небольших тактических снарядов украшают похожие бочонки, разве что маленькие... И, в конце концов, что делает в XII веке пикирующий бомбардировщик?

Что делает? Ничего особенного. Пилот просто пытается выбрать место для посадки. А человек, сидящий позади летчика, в кресле оператора-радииста, с удовольствием рассматривает окружающий вид, ничуть не беспокоясь за свою жизнь. Третий пассажир, благороднейший шевалье де Фармер, как заснул глубокой ночью, так доселе и не просыпался.

Гунтер слегка побаивался. Во-первых, достаточно одной глубокой ямы, в которую попадет шасси, и машина перевернется. Во-вторых, выбранный им для посадки лужок может оказаться слишком коротким – полоса пробега должна быть не менее трехсот метров – и самолет ударит корпусом в скалу. В таком случае бед не оберешься.

– А керосина осталось тридцать литров. Надо поторопиться, – бормотал про себя Гунтер, стараясь не обращать внимания на комментарии Казакова, наблюдавшего с высоты за чудесным рассветом. Небо окрасилось в розоватые горизонтальные полосы, висевшие над Тирренским морем облачка превращались в оранжевые с желтизной клочья пуха, тьма ночи изгонялась на запад и где-то далеко, над невидимыми отсюда волнами Закатного, именующегося также Атлантическим, океана гасли последние звезды. Однако самая яркая звезда, будто огонек факела, продолжала выбрасывать свои лучи и казалась далеким пятнышком живого и теплого огня.

Как и раньше, во времена ушедшего навсегда в небытие XX века, будто в дни французской или польской компании, когда от тебя – пилота, человека, сидящего за штурвалом – зависит жизнь не только бортстрелка, но и солдат аэродромной службы, Гунтер сосредоточил все свое внимание на приборах... Что ни говори, но конструкторы фирмы «Юнкерс» делали отличные машины. Ю-87 крепок, прост в управлении, дальности полета может позавидовать любой самолет подобного типа, созданный в других странах, будь то Италия, Британия, Россия или Северо-американские Соединенные Штаты.

Штурвал от себя, килевой руль выровнялся, обороты двигателя снизились... Индикатор скорости показывает девяносто километров в час. Пробежали внизу каменистые утесы и

сплошной зеленой полосой понесся под брюхом «Юнкерса» темно-изумрудный горный лужок. Сзади послышался возглас Казакова:

– Гунтер, давай!!!

– Я знаю, чего делать! – рявкнул германец. – Не учи козла бодаться!

«Триста метров, триста метров... – германец немного запаниковал. Впереди, прямо перед носом самолета возвышался скальный уступ. – Святой Мартин, святая Дева Мария, мы же сейчас врежемся!»

Шасси коснулись земли, самолет дернуло, а дальше началась немыслимая тряска, куда хуже чем при взлете. Лужок только сверху виделся ровным. Гунтер закрыл глаза, когда правое шасси наскочило на крупную кочку, машина начала заваливаться набок, но каким-то чудом выровнялась. Гунтер судорожно выключил реверс двигателя, мотор застонал, движение лопастей замедлилось.

Постепенно замедляя бег, «Юнкерс» приближался к скале и Гунтер, у которого сжался где-то под грудиной тугий комок ужаса, выкрикнул яростно:

– Да остановись ты, скотина!!

И до боли в стопе жал на педаль тормоза.

Пятьдесят метров. Тридцать. Пятнадцать. Пять. Глухо заскрежетали бьющие о поросшие травой камни шасси, послышался стон не выдерживающего нагрузки металла и... Носовое оконечье винта самолета замерло на расстоянии вытянутой руки от желтоватой, покрытой трещинами и проборожденной дождевыми стоками коричнево-желтой скалы. Машина остановилась и лишь лопасти винта продолжали устало, словно нехотя вращаться. Спустя минуту заглух мотор и бледный, покрытый испариной Гунтер услышал в наушниках голос Сергея:

– Рейс авиакомпании «Фон Райхерт и К°» завершился? Нам можно вылезать, или подождать распоряжений стюардессы?

– Добро пожаловать в Сицилию, – прохрипел Гунтер, дрожащими руками отстегивая пряжки ремней. – Очень надеюсь, что нас никто не заметил... И еще надеюсь, что нет никакой фатальной ошибки и мы не очутились где-нибудь на Мальорке или Мальте. Однако я не думаю, что на помянутых островах есть еще один вулкан, как две капли воды похожий на Этну.

Он посмотрел на часы. Пятнадцать минут седьмого утра. Главный вопрос в том, как спрятать самолет и не нарваться на местных жителей.

Гунтер отключил все приборы, отодвинул назад колпак кабины и, потянувшись, перебрался через борт на левое крыло. Размяв затекшие ноги, он глянул на заспанного сэра Мишеля, лицо которого изображало полнейшее счастье, и сказал:

– Что, сэр, понравилось? Приехали. А ты говорил – пешком или на лошади... Всего-то полночи летели. Понравилось?

– Конечно! – рыцарь расплылся в широчайшей улыбке. – Иметь своего дракона – весьма полезно! Нет, ты подумай – на лошади пришлось бы добираться не меньше месяца! А здесь – всего одна ночь! Гай и Дугал Мак-Лауд наверняка едут по Неверу или Бургундии. А мы уже в королевстве Сицилийском! Что сейчас будем делать?

Изрядно промерзший за минувшие часы Казаков растирал застывшие ладони и молчал, пристально оглядываясь. Прежде всего ему хотелось изучить обстановку.

Гунтер подумал, вытащил из планшета сохранившуюся еще со времен битвы за Британию карту Европы, что-то долго считал, беззвучно шевеля губами, и наконец ответил:

– Значит, так. Для начала разведем костерок, поедим немножко, потом я постараюсь упрятать самолет. Отправимся в ближайший населенный пункт. Это немного дальше к востоку. Правда, я не знаю, в ваши времена существует город Джарре?

– Если нет города, – решительно заявил сэр Мишель, – найдется деревня. Купим лошадей. Серж, давай-ка соберем хвороста. Есть ужасно хочется.

Гунтер, прыгнув с крыла самолета, осмотрелся. Невозделанное поле, на котором приземлился дракон Люфтваффе, находилось на северном склоне вулкана Этна. Пожухлая трава, редкий кустарник, на вершине скалы, в которую едва не врезался «Юнкерс», росли раскидистые пушистые сосны, а дальше, к северу и востоку, поднимались казавшиеся темно-синими пологие горы. Мессина, цель путешествия, должна находиться километрах в шестидесяти к востоку-северо-востоку. В пересчете на средневековые единицы расстояния – около двенадцати лиг. На лошадях такое расстояние можно покрыть за сутки или чуть больше. Вот интересно, крестоносное воинство короля английского Ричарда уже успело прибыть к сицилийским берегам или ихнее величество медлит?

Некоторое время ушло на разгрузку самолета. Все необходимые вещи перед вылетом распихали по самым невероятным углам. Даже в люках для подхода к консольным пулеметам находились аккуратно свернутые и перевязанные кожаной тесьмой кольчужные чулки сэра Мишеля, наручи и некоторые припасы. Гунтер старательно вытаскивал из кабины щит своего рыцаря, свое собственное оружие, привезенное еще из XX века, мешочки с едой, а сам молодой Фармер, кликнув второго оруженосца, взял меч и отправился к высушенным солнцем терновым кустам – нарубить хвороста для костра. К сожалению, заросли кустарника находились в стороне, за сотню шагов, и рыцарь ушел надолго.

Приученный к порядку Гунтер старательно рассортировал вещи, сложил их кучками под крылом самолета и, решив не дожидаться Мишеля, лег прямо на сухую траву, отдохнуть. Ночной перелет и опасная посадка германца утомили. Эх, подремать бы полчаса...

Когда всерьез хочется спать, человеку ничто не мешает, будь то шум, яркий свет, жара или холод. Сейчас слабые лучи восходящего солнца, стрекотание сверчков в траве, прохладный ветер, налетающий со стороны горы, Гунтера не беспокоили. Германец заложил руки за голову, прикрыл глаза и лишь на самом излете слуха различал доносящиеся издали ругательства сэра Мишеля, скорее всего, поцарапавшегося об острые колючки терновника да короткие тупые удары клинка по твердым ветвям. Очень интересно – ты пока не спишь, но в сознании уже проносятся странные, невероятные для обычной жизни картины... Своего рода сны на грани яви. Гунтеру мнилось, будто слегка запахло дымком костра, рядом стоят несколько самолетов его эскадры, а капитан Браухич, командир группы, и пилот шестьдесят второй машины, обер-лейтенант фон Бюлов, готовят баранину для шашлыка. Рядом почему-то стоят русские и английские самолеты, а их экипажи распаковывают ящики с бургундским вином. Все вместе. И никакой войны. Станный сон...

Идиллическое состояние продолжалось недолго.

* * *

Костер наконец-то вспыхнул, неподалеку обнаружился ручей, где можно было набрать воды, и вскоре сэр Мишель растолкал Гунтера самым бесцеремонным манером. Германец сонно хлебал настряпанное Казаковым варево, поименованное русским «супом по-туристически», и вполуха выслушивал препирательства сэра Мишеля и Сергея, посвященные драконам (в пример приводился святой Георгий и даже Зигфрид, победивший Фафнира). Гунтер, сжимая в руке деревянную ложку, снова задремал. Средневековые предрассудки ему давненько начали надоедать, а кроме того, германец знал – переубедить сэра Мишеля невозможно. Коли рыцарь решил, что «Юнкерс» – суть живой организм, значит, выбить из Мишелевой головы это заблуждение не сможет даже Папа Римский.

...Надо было видеть, как страдал молодой Фармер, когда десяток самых здоровенных вилланов, из особо доверенных, под руководством отца Колумбана и Гунтера снимали с креплений бомбосбрасывателя тяжелую бомбу, чтобы вместо нее привесить бочку со спиртом-топливом. Мишель пребывал в убежденности, что дракона Люфтваффе лишают мужского

достоинства и едва не бросился в драку, услышав о намерениях святого отца и оруженосца. Отшельнику едва хватило терпения убедить рыцаря не вмешиваться. «Несомненно, – говорил пустынник, – когда вы прилетите обратно, эту большую штуковину мы привесим на место и честь дракона ничуть не пострадает. Зато в дороге отвлекаться не будет...»

Гунтер, слушая тот разговор, отошел за дерево и зажимал себе рот рукой, чтобы возмущенный сэр Мишель не услышал его неудержимого хохота. Бедняга Фармер затем гладил «Юнкерс» по обшивке воздухозаборника, уговаривал дракона потерпеть, а за два вечера перед вылетом в полном расстройстве чувств пошел в соседнюю деревню к своей подружке Иветте и отыгрался на ней и за себя, и за Люфтваффе... Иветта, надо полагать, осталась довольна, а к следующему году славное семейство Фармеров наверняка пополнится очередным бастардом.

Средневековье...

Рыцарь, пытаясь говорить медленно, чтобы новый оруженосец его понимал, пытался строить планы на ближайшие несколько дней. Сергей согласился с Мишелем, что трое неплохо одетых дворян, среди которых наличествует сын барона с родовым гербом на тунике, и два оруженосца, нагруженные мешками с пожитками, даже с самой непредвзятой точки зрения будут выглядеть подозрительно – никто из благородных донов, по совершенно правильному мнению Казакова, не согласится добровольно путешествовать пешком. Разве что самые бедные.

– И еще, – кособоко втолковывал оруженосец рыцарю, путая старофранцузские, русские и английские слова, – предположительно, мы прибыли на Сицилию морем. Разумно предполагать, что к столице королевства мы обязаны прийти с северного побережья. Мы же находимся на восточном. Как будем оправдываться, если спросят?

– Ездили в гости к моим троюродным братьям или знакомым, – высказал предположение сэр Мишель. – У папеньки на острове есть отдаленные родичи...

Знакомых у сэра Мишеля в Сицилии, конечно, не было, зато имелось сонмище близких и дальних родственников по отцовской, норманнской линии. Пару-тройку сотен лет назад тогда немногочисленные скандинавские семьи были настолько тесно связаны друг с другом родственными узами, что любой житель севера Норвегии приходился либо внучатым племянником, либо двоюродным тестем совсем незнакомому викингу, обитающему на промозглых исландских берегах или в Британии, не говоря уж о Гардарики или завоеванных норманнами королевствах Средиземноморья.

Сэр Мишель наморщил лоб, припоминая тщательно сохранявшиеся семейные предания. Ну точно, племянник Ивара конунга, именем Гейрмунд, а также его сестра с мужем Вальбрандом Шумным и детьми ходили в дружине Танкреда Отвиля, обосновавшегося в Сицилийском королевстве. Еще дедушка, барон Фридрих, говаривал, будто на острове живет целый клан родичей. А зная, что норманнские семьи всегда были большими, многодетными, сэр Мишель мог предполагать, что каждый пятый мессинец и каждый десятый сицилиец-норманн являлся ему прямым родственником по норвежской крови. Думаете, почему большинство сицилийцев сейчас походят не на ромейских подданных, смуглых и темноглазых, а на беловолосых викингов? Спасибо стальному клинку с закругленным оконечьем, мечу, завоевавшему детям отдаленного севера благодатные земли полудня...

– Ты знаешь, где они живут? – спросил Казаков. – Хотя бы город назвать?

– Город... – рыцарь наморщил лоб. – Некоторые наверняка в Мессине, в войске короля Сицилийского. Я у папеньки спрашивал, так он сказал, будто его дядя со стороны барона Фридриха имеет лен под Катанией...

– Катания, – понимающе кивнул русский. – По-моему, километров тридцать-сорок к югу отсюда, если я ничего не напутал и правильно помню карту. Вот и объяснение. Приехали морем в Катанию, погостили, а сейчас направляемся в Мессину. Лошадей, ясен пень, в кости проиграли. Устраивает?

– Вот что, – подал голос Гунтер, решивший окончательно проснуться. – Вы, господа, думайте, что и как, только подальше отойдите, – германец встал, отряхнул штаны, подняв облачко невесомой беловатой пыли и, шагнув к краю плоскости, легко вскарабкался на крыло. Тотчас его голова свесилась вниз, а серые глаза уставились на сэра Мишеля: – Монсеньор, и вы, мессир оруженосец, отойдите шагов на пятьдесят в сторону, я отправлю нашего дракона отдыхать.

Внизу было слышно, как Гунтер, прогрохотав по обшивке консолей сапогами, подошел к кабине, с ворчанием перебрался через борт и непонятно ругнулся, как видно, обнаружив непорядок. И точно – некая птичка, устроившаяся на самом колпаке кабины, пока люди беседовали и завтракали, успела загадить спинку кресла пилота. Птичка – гладкая белобокая сорока – упорхнула немедленно по появлении Гунтера, прокричав на прощание какую-то оскорбительную гадость на своем птичьем языке.

– Черно-белая птица сорока простерла над миром свои зловонные крылья, – самым трагическим голосом произнес Гунтер по-немецки, вытирая промасленной тряпочкой художества божьей пташки. – Она засрала и загадила... – германец осекся, покосился на медленно отходящих в сторону сэра Мишеля и Казакова, и подумал, что бессонные ночи совсем не идут на пользу. Начинаешь пороть всякую чушь. Вместо речей, обращенных к самому себе, лучше бы подумал, как загнать тяжелую и неповоротливую на земле машину меж двух застывших лавовых потоков. Господи Боже, как надоело прятаться! Прилетели бы как люди, сели бы на аэродромную бетонку, доложились в штаб... Все-таки у цивилизации XX века есть преимущества! По крайней мере, мало кто (кроме противника, разумеется) станет пугаться самого обычного самолета. Один плюс – в настоящий момент Сицилия не слишком заселена.

«Мишель – дубина. И Серж ничуть не лучше, – отстранено подумал Гунтер, слушая как начинает рывкать двигатель. Из-под левого крыла вытягивалась струйка бледного голубого дымка. – Костер не загасили. Ветерок от лопастей поднимется, разнесет угольки по сухим кустам. Пожар начнется. Но вылезать и тушить неохота...»

«Юнкерс» медленно, нехотя сдвинулся назад, щелкнули камушки под колесами шасси, скала, встававшая прямо перед носом самолета, начала уходить в сторону. Машина развернулась и, вздрагивая на мелких ухабах, поползла к присмотренной Гунтером расселине. Слава Богу, места там хватало – от кончиков крыльев самолета до нагромождений коричневатой пемзы оставалось не меньше метра с каждой стороны. Но все равно – работа ювелирная. Попробуй задеть консоль – не взлетишь больше.

Спустя несколько минут движок заглох и слышались лишь тихое потрескивание остывающего металла да едва различимый крик чаек, парящих в лазоревом поднебесье.

* * *

Ох, и дорожки в этой Сицилии! Вернее, дорожек нет совсем, а наличествует то, что во всех армиях мира испокон веку именовалось «пересеченной местностью». Безусловно, места красивейшие, цветы-бабочки-пчелки, запах кипарисов, облака серебряные плывут на восток, к Святой земле... Но пусть любой цивилизованный человек, привыкший к асфальтовым, бетонным или, на худой конец, мощеным деревом или камнем дорогам, попробует погулять в сапогах (под которыми, надобно заметить, не принятые в благополучном будущем носки из мягкой шерсти, а вульгарные льняные портянки!) по рытвинам, кучам вулканического гравия или сыпучему, уползающему из-под подошв песку! Послушаем, станет ли таковой восхищаться романтикой Средневековья!..

– Подождите меня! – выкрикнул Гунтер в спины ушедших метров на пятьдесят вперед сэра Мишеля и Казакова. Что не говори, а пилоту ВВС не равняться с пехотинцем – летчик

должен сидеть в кабине своего стального коршуна, а покрывать многие километры на своих двоих предоставьте пехотным гренадерам. – Мишель, мы куда-то опаздываем?

Рыцарь остановился, сбросил с плеча мешок и ободряюще посмотрел на германца. Вулканический склон здесь заканчивался резким обрывом, уходящим в сторону моря, а далее, не больше чем в полулиге, виднелось скопище белых домиков, над которыми главенствовал шпиль, поднимающийся над приземистой церквушкой, пристань с полудесятком кораблей, а самое главное – проложенная вдоль берега накатанная дорога. Вероятно, это и было искомое Джарре.

Главная задача состояла в том, чтобы спуститься вниз, не переломав ног и не растеряв поклажу, которую приходилось волоочь на себе. Казаков пошел первым, каким-то невероятным чутьем выбирая самый легкий и безопасный путь, сразу за ним, скользя на гладких камнях, двигался рыцарь, арьергард составлял Гунтер, которому было жарко и противно. Надо же, середина осени, а солнце здесь печет, как в Африке!

– Бархатный сезон, чтоб его... – пропыхтел Казаков. – Самое время ехать в Ниццу, пить коктейли и ходить в казино.

– У меня иногда складывается ощущение, – также отдуваясь, ответил Гунтер, – что климат в эти времена потеплее, чем у нас. Может, так оно и есть?

– Точно, точно. Я где-то читал, будто Раннее Средневековье было куда более жарким. Похолодание началось вроде бы во времена Столетней войны, после царствования Филиппа Красивого. Надо сказать спасибо, что нас туда не занесло.

– Кому? – буркнул Гунтер. – Похмельному архангелу, о котором ты говорил? Фу, слава Богу, вот и дорога! Да здравствует цивилизация!

Конечно, это был не асфальт и не бетон, а обычная грунтовка. Однако дорога, по левую руку от которой вздымался усеянный камнями и поросший средиземноморскими соснами откос, а по правую плескались темно-голубые воды Мессинского пролива, находилась во вполне приличном состоянии.

Троица авантюристов передохнула, взгромодила на себя мешки и потопала далее – до поселка, по прикидкам Гунтера, оставалось не более километра.

* * *

– Сонное, однако, местечко, – Казаков с самым постным выражением на физиономии оглядывал аккуратные беленькие домики под коричневой черепицей. По главной улице шествовал куда-то скучный одинокий ослик, два петуха под сенью оливы устроили громко-голосую свару, крупная псина, видом похожая на помесь лохматой дворняги и тупорылого мастифа, меланхолично выискивала блох на спине, действуя зубами наподобие машинки для стрижки волос. Люди отсутствовали. – Сиеста у них, что ли? Время-то как раз к полудню...

Вдруг, заставив Гунтера вздрогнуть, из ближайшего дома донесся истошный женский визг, звук разбиваемой посуды и долгая тирада на малопонятном языке. Прослеживались знакомые словечки, но общий смысл речения германец разобрать не сумел.

– Ругаются, – почему-то с удовольствием сообщил сэра Мишель, прислушиваясь. – Она говорит, что он идиот, а он отвечает, что она сама дура.

– Потрясающе, – ухмыльнулся Гунтер. – Ты что, знаешь местное наречие?

– Знаю, – закивал рыцарь. – Когда была война между Ричардом и старым королем Генрихом, в нашем отряде было с десяток сицилийцев.

Язык Южной Италии и королевства Сицилийского сложился из вульгарной латыни, диалекта норманнов с небольшими вкраплениями греческого и мавританского, благо остров в свое время находился под владычеством как греков, так и сарацин. Даже в нынешние времена Сицилию частенько называли по-гречески – Тринакрия, что в переводе означало «Три

горы». Дальше к югу, на побережье, стояли знаменитые Сиракузы, родина Архимеда, на острове можно было найти неплохо сохранившиеся памятники древних эпох, как латинские, так и эллинские. Королевство Танкреда представляло собой невиданный конгломерат наций, культур и обычаев, по сравнению с которым Британия, в которой сплелись кельтские, саксонские, римские и пиктские корни, казалась скучнейшим и обыденнейшим местечком.

Наконец-то впереди замаячила человеческая фигура. По ближайшему рассмотрению незнакомец оказался простолюдином, скорее всего, крестьянином, шедшим куда-то по своим делам. Мишель моментально отличил простеца от дворянина, хотя бы по тому, что благородные сицилийцы свято хранили северную норманнскую кровь и в большинстве своем были не чернявы, а светловолосы. Этот же представлял собой классический средиземноморский тип – темен головой, смугл и черноглаз. Образец метиса, в котором смешались латинская и мавританская кровь.

– По-французски говоришь? – без предисловий начал рыцарь, когда шествовавший босиком крестьянин поравнялся с их компанией.

– No, signior, – последовал исчерпывающий и безразличный ответ, однако стало ясно, что простец хотя бы отчасти понимает чужеземный язык.

– Где постоялый двор? – втолковывал сэр Мишель. – Трактир? Trattoria?

Крестьянин махнул рукой в сторону церкви, чуть поклонился и отбыл.

– По-моему, – саркастично сказал Казаков, – любому дураку должно быть ясно, что в таком маленьком городишке все культурные центры располагаются в одном месте. Церковь, кабак, рынок. Мэрия, если есть.

– Забудь этот вздор. Я мэрию имею в виду, – рассмеялся Гунтер. – Может, еще заведешь речь о демократии, Лиге Наций и самоуправлении? Полагаю, здесь всем командует местный сеньор, как и везде. Мелкие суды и разрешения конфликтов – на совести священника. Может, есть глава рыболовецкого цеха, если в этой деревне таковой вообще существует. Мы же в провинции. Точнее, в провинции провинций. Сицилия даже по нынешним временам считается королевством нецивилизованным, она на отшибе.

– Патриархальность, благолепие и благочиние, – вздохнул Сергей. – Пошли, что ли? Надоело под солнцем жариться. Одного боюсь: не добудем мы здесь лошадей. А иди пешком до Мессины... Благодарю покорно!

Новый оруженосец шевалье де Фармера оказался абсолютно прав: сход четырех улиц, с натугой образовывавший некое подобие главной площади Джарре, украшался церковью, построенной в раннем романском стиле, двумя кабаками (один получше, один похуже), полусонными рядами торговцев рыбой и старинным римским фонтаном, иссякшим, наверное, еще во времена императора Гонория и нашествия вандалов.

Выбрали лучший трактир, определив его по более новой вывеске и топтавшимся у коновязи лошадям под попонами с французскими лилиями. Значит, часть армии короля Филиппа уже высадилась на Сицилии.

– Хозяин! – нетерпеливо рявкнул сэр Мишель, ввалившись в полутемную и более прохладную обеденную залу. На его крик обернулись глушившие молодое вино французы – шестеро копейщиков, предводительствуемые могучим королевским сержантом. – Хозяин, мать твою!

– Все знакомо до боли в зубе мудрости, – вполголоса сказал Казаков Гунтеру. – В любом историческом романе герои рано или поздно приходят в трактир.

– Угу, – отозвался германец. – Тут уж тебе в правоте не откажешь. Далее по сюжету Вальтера Скотта, Александра Дюма или этого американца... как его... ну, из новых? А, вспомнил, Роберта Говарда! Так вот, должна последовать драка или встреча с таинственным незнакомцем...

– Как? – вытарашил глаза Казаков. – Как ты сказал – Говарда? Ты откуда его можешь знать?

– У нас переводили его приключенческие рассказы, – пожал плечами Гунтер и, наблюдая, как сэр Мишель грозно толкует владельцу трактира о еде и выпивке, уселся за свободный стол. – Правда, потом министерство пропаганды запретило эти книги как декадентские. Забавные такие повестушки для молодежи...

Казаков сложился. В буквальном смысле. Пал на скамью, поверженный приступом неудержимого хохота.

– Да что такое? – удивился германец.

– «Конана-варвара» читал, да? У-у-у... – подвывал Казаков. – Нашли хоть что-то общее! Вот не думал! У нас же это целая индустрия, писатели деньги лопатой гребут! Пятьдесят романов подряд!.. Ага, понял! Говард первую книгу написал в 1932 году, поэтому у вас его могли издавать!

– С кабацкими драками дела там обстояли неплохо, – согласился Гунтер. – Хотя остальное содержание ниже всякой критики. Одного понять не могу, как люди на протяжении шестидесяти лет, от тридцатых, до девяностых годов, могли читать подобную чушь?

– Архетипическая фигура на все времена, – уже куда более серьезно сказал Сергей. – Крутой герой. Считай, современная замена Зигфриду. Между прочим, здесь, если не ошибаюсь, всю зачитываются «Песнью о Нибелунгах» и «Песнью о Роланде». А чего? Тоже крутейшие мечемахатели, борцы за справедливость. А если кто-нибудь про нас напишет книжку или, допустим, поэму, это будет неинтересно. Мир мы не спасаем, с мечом обращаться не умеем, только влипаем в какие-то дурацкие истории...

Сэр Мишель благополучно поторговался с хозяином таверны, весьма прозаично именуемой «Соленый осьминог», и обед был подан. Казаков спокойно, однако не без удивления осмотрел предложенные блюда – рыба во всех видах и самые невероятные продукты моря. Устрицы и прочие ракушки, непременно на Средиземном море осьминог, филе тунца, вываренная в белом вине кефаль. И, конечно же, в огромном количестве оливки, маслины, лимон. Все кушанья резко пахнут специями. Черный, еще теплый хлеб.

– Где же классика? – Казаков хитро поглядел на Гунтера. – Пицца, спагетти, пеперрони?

– Еще не придумали. Но и это выглядит вполне себе ничего. В мои времена такую кефаль подавали только в лучших ресторанах.

– В мои тоже, – вздохнул Сергей.

Некоторое время ушло на распробование необычных яств средиземноморской кухни. Рыцарю безумно понравилась рыба, хотя он и занозил десну острой косточкой. Гунтер, как человек, имевший чопорное дворянское воспитание, хотел было наложить себе буквально таявшего во рту осьминога и возжелал украсить все оливками да ломтиками лимона, однако приостановился.

Тарелок, вилок и ложек, принятых в благовоспитанных домах Германии середины XX века, здесь не предусматривалось. Даже в замке Фармер (уж на что захолустье!), не говоря уж о Тауэре или Винчестере – резиденции принца Джона – имелись небольшие овальные блюда, заменявшие собой тарелки и выдаваемые каждому, кто оказался за хозяйским столом. Из инструментов на трактирном столе находились лишь три широких, остро отточенных ножа.

– Руками, руками. По-простому, – посоветовал Казаков. – А, понял. Ты собственную тарелку хочешь получить. Счас сделаем.

Русский взял пышный каравай ржаного хлеба, разрезал его вдоль надвое, с верхней половинки срезал корку, а нижнюю подал германцу. Получилась эдакая лепешка из хлеба.

– У Вальтера Скотта прочитал, – гордо заявил Сергей. – Шотландский способ. Берешь хлеб и используешь в качестве блюда, после чего его можно либо съесть, либо выкинуть. Все равно деньги заплачены.

Осьминог оказался вкусным – нечто среднее между хорошо приготовленной белорыбцей и мягким, пахнущим морем, желе. Единственно, повара погорячились со специями, особенно с перцем и лимонным соком. Традиция... Оливки самые обычные, за восемьсот лет они ничуть не изменились. Овощи безвкусные – просто вареная репа.

Сэр Мишель, как человек привычный, хватал еду руками и благополучно отправлял в рот, запивая светло-зеленым кисловатым вином и поглядывал по сторонам. Французы, сидевшие в другом конце зала, уже подвыпили, но все равно, к ним стоит попозже подойти, представиться и узнать последние новости. Самое главное – прибыл ли на остров его величество король Ричард.

– Что такое? – вскинулся Казаков на странный звук. – Ага, культурная программа.

В трактире появился сравнительно молодой сицилиец из местных, разве что передвигался он с помощью костылей – у новоприбывшего отсутствовала по колено правая нога. Вернее, так казалось лишь с первого взгляда, ибо при более пристальном рассмотрении становилось ясно, что нога согнута, а лодыжка подвязана к бедру. Незамысловатое жульничество более-менее скрывалось при помощи широченных шаровар, какие обычно носят сарацины.

Увечный-калечный, переглянувшись с хозяином, примостился на свободной лавке, вытянул из-за спины потрепанную виолу, дернул струны и заголосил самым неблагозвучным образом.

– Переведи-ка мне эту развеселую песенку, – попросил Казаков Гунтера. Тот некоторое время вслушивался, сдвигая брови, и, наконец, объяснил:

– Это про рыцаря, который отправился в Крестовый поход, долго там страдал и дрался с сарацинами. Вернувшись наконец домой, он обнаружил, что жена ему изменила, прижила ребенка от конюха, а замок захвачен соседом. Жену он зарубил, ребенка бросил в колодец, сам ушел в монахи. Ему очень грустно и он спрашивает, в чем смысл бытия.

– Волшебное, – кашлянул Сергей. – Слушай, может, этому мужику подать немного денег, чтобы убрался?

Казаков вытянул из пояса монету и швырнул исполнителю. Медный английский фартинг исчез еще на лету, а певец затянул новую балладу.

– А это о чем?

Гунтер обреченно повернулся к бродяге и только вздохнул:

– Это про сицилийского рыбака, который отправился в штормовое море, добыть рыбы, чтобы накормить голодающую семью. Там гигантский спрут разбил утлую лодку и утащил рыбака на дно. Жена, не дождавшись супруга, бросилась с утеса в море. Старший сын, которому приходится содержать десяток младших братьев и сестер, стал разбойником. Его поймали, он сидит в подвале мессинского замка, завтра его четвертуют. Ему очень плохо, и он спрашивает, как спасти свою бессмертную душу.

– Понятно, местный колорит, – согласно кивнул Казаков. – А на темы международной политики можно что-нибудь попросить? Человек-то явно старается...

В сторону нищего полетел еще один фартинг. Гунтер с пятого на десятое перевел смысл заказа господина оруженосца. Сэр Мишель сидел набычась, ибо во время аквитанской войны ему довелось внимать и Бертрану де Борну, и Роберу де Монброну, и Кретьену де Труа, самым выдающимся менестрелям нынешнего времени. Рыцарь не мог слушать, как вонючий смерд делал все, для того чтобы испаскудить благороднейшее куртуазное искусство, а потому начинал злиться.

Певец, пройдясь грубыми пальцами по струнам, извлек из виолы ноюще-ревушие звуки и пронзительно заголосил. Французские копейщики во главе с господином сержантом начали недвусмысленно пофыркивать.

– Ну? – Казаков дернул Гунтера за рукав. – О чем гласят сии комические куплеты?

– Мать Божья... – германец сокрушенно приложил ладонь ко лбу. – Может, я не буду переводить? Ладно, не буянь. Как ты и просил – международная политика в полный рост. Баллада о короле Ричарде Львиное Сердце и его невесте Беренгарию Наваррской. Несчастная Беренгария приехала к жениху, но никак не может затащить его под венец. Ричард хочет воевать, вокруг него полно смазливых оруженосцев, а его сердце – львиное, заметь – отдано отнюдь не благороднейшей девице из королевского дома Наварры, а менестрелю Бертрану де Борну. Беренгарию очень грустно, и она спрашивает, почему судьба предназначила ее... гм...

– Педику, – своевременно дополнил Казаков. – Вообще-то я и раньше слышал, что у Ричарда было не все в порядке с ориентацией...

Французы ржали в голос. Песенка подданным Филиппа Капетинга безумно понравилась и вызвала изрядный приток денег. Судя по тому, какие взгляды скучавший за стойкой хозяин «Соленого осьминога» бросал на певца, трактирщику полагалось не менее трети от заработанного.

– Эти мерзавцы, – процедил подвыпивший сэр Мишель, яростно посматривая на франков, – своим непочтением оскорбляют моего и вашего короля! И мессира де Борна, лучшего певца Аквитании! Я такого терпеть не намерен!..

Гунтер не успел повиснуть на плечах у рыцаря. Сэр Мишель увернулся, быстро шагнул к середине залы, съездил кулаком в рыло поддельного калеки, который моментально улетел в партер – рука у рыцаря была тяжелая – и, выпятив грудь, повернулся к господам в синих туниках с лилиями французского королевского дома.

– Они его побьют, – быстро сказал Казаков. – Я ведь предупреждал! Черт, их семеро... Ладно, перетопчемся. Ты огнестрелку свою распаковал?

– Предпочитаю полагаться на подручный инструмент, – сквозь зубы ответил Гунтер. – Ничего, может и обойдется. В крайнем случае договоримся.

– Почтенные мессеры, – сэр Мишель пожирал взглядом франков, – если меня не обманул слух, вы только что изволили смеяться над королем Ричардом Плантагенетом? Оскорбление моего сюзерена я почитаю оскорблением самого себя. Если среди вас есть дворяне, то я либо жду извинений, либо, если таковые не воспоследуют, требую поединка.

Высоченный сержант поднялся.

– Жеан де Ле-Бей, – усмехнулся он, представляясь. – Младший сын барона Ле-Бея. Да, мы смеялись над твоим королем. Потому что он заслуживает только смеха. Не может быть королем человек, пусть и храбрый, у которого никогда нет денег, нет дамы сердца и... И его подданные, наподобие вас, сударь, по бедности ходят пешком.

Гунтеру показалось, что сэр Мишель сейчас лопнет. Лицо рыцаря приобрело цвет спелого граната, щеки надулись, светлые усы встали дыбом и, пожалуй, пройди еще пара минут, из ноздрей повалил бы дым.

– Никакого поединка, – насмешливо продолжал сержант. – Его величество Филипп запретил своим воинам драться с англичанами, иначе вашему Ричарду придется идти в Палестину одному. Или только с шевалье де Борном. Много они там навоюют...

– Bastarde! – возопил окончательно выведенный из себя рыцарь, у которого гордость за свою страну и короля накладывалась на воздействие вина сбора нынешнего года. – Никакого поединка? Получай!

Мишель повернулся к столу, за которым сидели Гунтер и Сергей, напряженно вслушивавшиеся в перепалку, схватил первый попавшийся предмет и запустил его в мессира королевского сержанта, сопровождая сие действие длинной формулой речи, коя сжато, но ярко повествовала о предках, рождении, настоящем и будущем господина де Ле-Бея.

* * *

...Кувшин летел медленно, по параболической траектории, переворачиваясь в воздухе и плюясь капельками красного вина, остававшегося на доньшке к моменту взлета...

* * *

— ...Я же говорил – свои! – бросил прочим mafiosi длинный предводитель сицилийцев. – Что до меня, то я прозываюсь Роже из Алькамо, младшая ветвь герцогов Апулийских, потомков Танкреда Отвиля и Гильома Железной Руки... Может быть, присядем, мессеры? Кажется, после нашего веселья здесь уцелела пара скамей. Эй, хозяин! Только не говори, что вина не осталось! Кстати, шевалье, с чего вы вдруг решили поссориться с французами?

Бледный хозяин траттории вкупе с двумя помощниками приволок вино и какую-никакую закуску, однако физиономия у него против воли оставалась довольной. Такая прибыль за один день!

Французы иногда начинали шевелиться, тогда кто-нибудь из mafiosi вставал, отвечивал вражине пинка, после чего недобитый противник затихал.

По счастью, никто из попутчиков сэра Мишеля в минувшей драке серьезно не пострадал. Гунтеру чуток разбили верхнюю губу – ерунда, даже не ранка, а ссадина, а Сергею рассекли бровь, задев только кожу. И то царапина была получена от его собственной невнимательности – пропустил летящую в него кружку, царапнувшую по касательной надбровье.

– Мне жаль, что так вышло, мессир Роже, – говорил сэр Мишель. – Но эти мерзавцы оскорбили моего короля. Вы бы стали терпеть злословие в адрес его величества Танкреда?

Слово за слово, фраза за фразой. Сицилийские mafiosi на первый взгляд казались милейшими, куртуазными и благовоспитанными людьми, которые, в то же время, не сторонились мелких потасовок, затеваемых ради собственного развлечения. Роже де Алькамо отлично говорил и на норманно-французском, и на норманно-латинском, был сдержанно вежлив, ненавязчиво поинтересовался новостями с севера Франции...

Вскоре выяснилось, что Роже не больше, не меньше как пятиюродный дядя сэра Мишеля – они больше получаса спорили, вспоминая генеалогии норманнских родов, и из их разговора даже искушенный в языке Гунтер с трудом понял треть.

– Роже приходится вроде бы племянником троюродного брата дедушки нашего Мишеля, – прошептал германец сидевшему рядом Сергею. – Хотя кто их разберет. Почти все дворянские семьи Европы так или иначе связаны родственными узами.

Мессир де Алькамо на вид насчитывалось около сорока лет. Высокий, очень загорелый блондин, по манерам сразу видно, что происходит из почтенной семьи. Остальные, как и водится, являлись его ближайшими родичами – младший брат, племянники, молодые мужья дочерей...

– Одно слово, мафия, – отозвался Казаков на объяснения Гунтера. – Все схвачено, все завязано. Интересно, где их крестный отец? Марио Пьюзо не читал? А-а, он же после войны свой роман написал...

Разговаривали долго. Если вначале Роже де Алькамо относился к Мишелю с обычной вежливостью дворянина, сумевшего помочь другому представителю своего сословия в опасной ситуации, то, когда проявились кровные узы, Роже оставил свою сицилийскую гордость и счел норманнского рыцаря едва ли не ближайшим членом семьи. Поминали многочисленных предков, выпили за здоровье барона Александра и супруги самого Роже – госпожи Маго де Алькамо, дочери одного из отпрысков французской семьи де Валуа. Потом выпили еще за что-то или за кого-то, потом за Крестовый поход, потом помянули добрым словом королей

Ричарда и Танкреда, благо сестра английского монарха, леди Иоанна, много лет была сицилийской королевой, вплоть до безвременной кончины минувшим летом короля Вильгельма II. Гунтер и Сергей в разговор дворян не вмешивались, предпочитая обмениваться взаимно-интересными репликами. Германцу, как всегда, приходилось переводить с норманнского на английский. Младший брат Роже – молодой, лет двадцати двух, высоченный громила и, судя по виду, страшный забияка, то и дело выбирался из-за стола, отвесить лишних тумачков пытавшимся покинуть поле бесславной битвы франкам.

В общем, знакомство, коему способствовало отличное сицилийское вино, шло полным ходом.

– Мессеры! Эй, кто-нибудь меня слышит?

Человек, стоявший в дверях трактира, несколько раз безуспешно воззвал к сицилийским mafiosi, но, поняв, что бессмысленно обращаться к пьяной компании, подошел непосредственно к Роже и тронул его за плечо.

– Де Алькамо! Эй! Вы меня так встречаете?

Он обвел плавным широким жестом напрочь разгромленную обеденную залу «Соленого осьминога» и улыбнулся в бороду. Сицилиец посмотрел на нового гостя с прищуром, однако узнал.

– О! Мессир Райн...

– Мессир Ангерран де Фуа, – как-то слишком поспешно перебил Роже незнакомец. Казаков, как он ни накачался мгновенно пьянящим светлым вином, громко прошептал Гунтеру на ухо:

– Второе предсказание сбылось. Сначала кабацкая драка, потом таинственный незнакомец. Слышал, как оговорился Роже?

По причине того, что это произносилось на английском языке, принятом в XX веке, их, к счастью, никто не понял. Впрочем, по мнению Гунтера, никакой особенной таинственности в приятеле Роже де Алькамо не замечалось. Хорошо одетый статный пожилой человек лет пятидесяти. Слева на поясе меч в богатых ножнах. Морщинистое продубленное лицо, принадлежащее либо моряку, либо обитателю Палестины или Африки, привыкшему к горячему дуновению пустынь. Рост высокий, держится прямо. Синеватый шрам справа на открытой воротником шее. А самое потрясающее – это глаза. Два светло-голубых бездонных колодца, которые должны принадлежать отнюдь не пожилому рыцарю, а семнадцатилетнему мальчишке: синие пятна на коричневом лице, в которых отражаются хитрость, задор, веселье и безмерное удивление окружающим миром.

– Ангерран, садитесь, – разбитно пригласил Роже и подвинулся, освобождая место на скамье. – Вообразите, я встретил родственника! Знакомьтесь, это шевалье Мишель Робер де Фармер.

– Вас засунь в Аравийскую пустыню, – хмыкнул седеющий мессир де Фуа, – вы и там родственников отыщете. Впрочем, рад встрече, господин де Фармер. Роже, безусловно, я выпью с вами, однако к завтрашнему утру мне следует быть в Мессине.

– Все готово, – полупьяно, полутрезво кивнул предводитель mafiosi, – лошади ждут, подставы по дороге есть. Да и ехать-то, если вдуматься, совсем недолго...

– Благодарю, Роже, – отозвался Ангерран, присаживаясь, и вполголоса пробормотал: – Давно же мы не виделись...

Дуновение Ханаана³ – I

О том, как некий человек приехал в Иерусалим и встретился с султаном Египта

Поздним сентябрьским вечером, когда солнце уже зашло, но полумесяц пока что скрывался за Елеонской горой, к стенам великого города подъехал одинокий всадник в арабской одежде. Выглядел он человеком богатым – белый с серебристой оторочкой бурнус, изукрашенный необработанными камнями пояс, на котором красовалась сабля с эфесом чистого золота; небольшой тюрбан, оконченье которого прикрывало лицо человека, свит из ярко-голубой шелковой полосы и украшен вычурной багдадской брошью с синими аметистами. Сразу видно – эмир или тысячник войска светлейшего султана...

Только почему столь важный человек путешествует в одиночку? Нынче на дорогах неспокойно, банды потерявших землю крестьян или беглых рабов частенько угрожают даже небольшим отрядам или караванам, а тут – одинокий путник. Впрочем здесь, под стенами Столицы Мира, ему ничего не могло угрожать. Салах-ад-Дин и его воины умели поддержать порядок в городе и окрестностях.

Одетый в белое путник, впрочем, прекрасно знал, что такое безопасность и берег свою жизнь – охрана осталась в Вифлееме, стоящем на две лиги южнее, а дорога на Иерусалим великолепно охранялась разъездами арабской конной гвардии, подчинявшейся лично султану. Перед закатом десятник одного из разъездов остановил путешественника, спросив подорожную, однако, увидев на листе пергамента желтую печать с полумесяцем и витиеватой цитатой из Корана, только приложился к ней губами и пожелал благородному незнакомцу счастливой дороги.

Двухдневный путь по суше, от Аскалона через Ливну, Етам и Вифлеем закончился здесь, под стенами Верхнего города. Всадник миновал развалины Пилатова водопровода, посматривая направо, определил, что где-то здесь, за коричневатой-желтой стеной, должен находится дом Тайной вечери и Давидова гробница, однако поворачивать к Навозным воротам не стал – его ждут у Яффских врат и обязаны будут проводить...

Второго октября исполнялось ровно два года со времени, как Иерусалим был торжественно возвращен мусульманам – франки ушли сами, ибо защитники Святого Града быстро уяснили, что сопротивляться Саладину бесполезно, и штурм вызовет лишь новые жертвы, страдания и осквернение храмов. Барон Ибелин, франкский военачальник, и патриарх Ираклий бескровно сдали город, а султан сарацин вновь, в который уже раз, проявил качества, сделавшие бы честь любому европейскому рыцарю – позволил Ираклию и магистрам орденов Храма и Святого Иоанна выкупить свои жизни и свободу тысяч бедняков, отпустив христиан с миром.

Теперь стены Святого Града подновлены, навешены новые ворота. В мечети Омара любой правоверный может воздать хвалу Аллаху, но и христиане, с дозволения султана, могут беспрепятственно навещать свои святыни. Иудеям разрешили открыть синагоги. Салах-ад-Дин, в противовес мнению франков о сарацинах как о чудовищах и язычниках, обладал удивительной веротерпимостью и великодушием. Только вот долго ли продлится благорасположенное настроение султана? Даже самого спокойного и флегматичного человека можно вывести из себя...

³ Ханаан – древнее доиудейское название Палестины, происшедшее от племени хананеев. Ханаан включает в себя Галилею, Самарию (север) и собственно Иудею (юг).

Всадник натянул поводья гнедого аргамака перед освещенными факелами Яффскими воротами – разумеется, створки закрыты. Ночь. Оставалось только окликнуть стражу.

– Кому не спится? – раздался сверху, из темноты, высокий голос – как видно, охранитель еще молод. Чуткий слух путника различил тихое поскрипывание натягиваемой тетивы лука.

– Аухад аль-куфат!⁴ – выкрикнул всадник по-арабски. Наверху замешкались, соображая.

– Кафи-л-куфат дийа-л-милла⁵, – последовал наконец уверенный ответ, а человек на коне незаметно усмехнулся про себя: «Такой же хвастун, как все сарацины. Придумать настолько пышные опознавательные слова! Ставлю свою честь и состояние – подразумевал самого себя!»

Зашуршали тщательно смазанные петли правой створки ворот. В полукруглом арочном проеме возник человек – бородатый сарацин в казавшемся сером среди ночной темноты халате. Он выжидательно посмотрел на всадника, не торопясь кланяться и приветствовать. Только когда в его руках оказалась подорожная с желтой печатью, бородач коснулся ладонью лба, губ и груди, тихо сказав:

– Хвала Аллаху, ты здесь. Господин ждет тебя. Следуй за мной.

Сердце всадника заколотилось в два раза быстрее, когда его лошадь переступила границу, отделявшую Город от прочего мира. Он и раньше бывал в Иерусалиме, но постоянно, всегда и каждый раз, испытывал одно и то же чувство – будто душа касалась некоей великой тайны, незримого чуда и неземного волшебства, свято хранимых за стенами в тайной для смертных обители. Ты ходишь вокруг нее, знаешь, что она здесь, но коснуться, тронуть рукой... Никак. Частица Бога доселе обитала в Иерусалиме. А Господь таинствен и непознаваем. Какое счастье, что можно хотя бы чувствовать Его близкое присутствие и знать, что Он видит тебя.

– In nomine Tuo⁶, – едва слышно прошептал человек в белом, и все-таки сошел с седла. Ему претило ехать на коне по камням, где оставались Его следы.

– Что ты сказал, почтенный? – обернулся проводник, однако ответа не получил. Бородач только пожал плечами и повел гостя дальше, по узким пустынным улицам, к башне Давида.

«Он ходил здесь, – думал приезжий, жадно рассматривая все, что могло различить непривычное к ночи человеческое зрение, – может быть, стоял на этом выступе, а здесь говорил о бесплодной смоковнице... тут разговаривал с фарисеями... Господи, вот и я иду по этим улицам ради славы Твоей...»

Двух прохожих, второй из которых вел на поводу высокорослого аргамака, стража не останавливала, будто знала их в лицо. Бородатый араб двигался уверенно, проходя через город к остаткам стен Езекии, мимо храма Гроба Господня, над которым горел различимый даже в безлунной темноте крест – султан позволил оставить этот символ только над главной святыней христиан, с прочих церквей кресты сняли – мимо водоемов, к Древним вратам и далее к крепости Антония.

Тяжелая, массивная Давидова башня плыла над спящим городом. Безмолвный и хмурый страж, взиравший с высоты на скопище домов и домиков, храмов, мечетей, на мутные озерца и черные масличные садики. Сейчас было не рассмотреть, однако на длинной пике, украшавшей вершину древнего сооружения, болтался шафранный стяг – знамя султана. Новый повелитель Святой Земли находился в своей столице.

Конь приезжего недовольно фыркнул, когда учуял чужой запах и чьи-то руки перехватили узду – слуги появились быстро и бесшумно, не говоря и слова приняли на попечение аргамака, и отворили калитку, ведущую в глубины башни.

⁴ Единственный из могущественных! (арабск.)

⁵ Могущественнейший из могущественных – есть свет Веры (арабск.)

⁶ Во имя Твое (лат.).

– Наверх, – коротко распоряжался проводник, следуя перед ночным гостем. Крутые ступеньки широкой спиралью уводили в прорежаемую редкими факелами полутьму. – Осторожнее, почтенный...

Казалось, что башня Давида совсем не охраняется, и это выглядело странно. Ее нынешний владелец имел все основания бояться за свою жизнь – сектанты-исмаилиты не раз покушались на султана, подсылая самых лучших наемных убийц; многие, весьма многие, как христиане, так и единоверцы, имели повод ненавидеть человека, вот уже двадцать лет одним своим именем приводившего в дрожь и ярость бесчисленных недругов. И вдруг – такая неосторожность... Хотя охрана тем лучше, чем незаметнее. В стенах и на лестнице могут таиться самые замысловатые ловушки, и любой чужак, явившийся без приглашения, упадет со стрелой в горле или метательным дротиком под ребром.

– Сюда, – чернобородый ввел путешественника в небольшую залу, располагавшуюся на третьем этаже, и, поклонившись, исчез за дверью, тщательно затворив створку. Гость, однако, почувствовал, что доверенное лицо хозяина осталось на лестнице и неусыпно бдит. Оружие, кстати, не забрали – а это высший знак милости и доверия.

Зальчик, или скорее большая комната со сводчатым каменным потолком, убран не особо роскошно. Восточные излишества, столь поражающие глаз в Багдаде или Дамаске, тут не приветствовались – хозяин являлся более воином, чем привыкшим к золотому сверканию богатых покоев владыкой. Непременные ковры, подушки, у стен стоит вполне европейская мебель, оставшаяся от прежних владельцев: изящный столик и два складных кипарисовых табурета без спинок. Светло – тяжелые медные шандалы уставлены бездымными свечам. На стенах, в бронзовых кольцах, масляные лампы. Уютно.

Приезжий щелкнул застежкой, удерживающей закрывающую нижнюю часть лица полу синего шарфа. Теперь гостя можно было хорошо рассмотреть. Не молод, однако и не стар. Четвертое десятилетие – лучший возраст для мужчины, расцвет сил. Черты лица безусловно европейские, бороду не носит, предпочитая обходиться темной щеточкой ухоженных усов. Глаза серовато-зеленые и внимательные. К такому лицу менее всего подходит сарацинский наряд, скорее плащ с крестом Тампля или украшенное византийской золотой нитью блио.

– Салям, – гость обернулся на звук голоса. Хозяин башни Давида появился незаметно, без всякой причитающейся сану пышности и помпы, словно возник из воздуха. – Ровным ли был твой путь?

– Благодарю, – человек в белом поклонился на европейский манер, приложив правую руку к сердцу. Говорили по-арабски. – Здоров ли ты, господин?

– Я не твой господин, – усмехнулся хозяин. – И, наверное, никогда им не буду. Что ж, сначала я предпочту угостить своего гостя. Садись, отведай риса и ягнятины.

Парчовый халат издал едва слышный шелест, когда араб, не соблюдая восточный обычай, уселся не на подушки, а на табурет перед столиком, где под серебряной крышкой стояло блюдо с едой. Гость по привычке именовал незамысловатое угощение «кашей с мясом». Кушали руками, запивая приторно-сладкой водой. Хозяин разделил с уставшим и голодным гостем трапезу – еще один хороший знак.

Араб в красивом зеленовато-синем халате совсем недавно пересек пятидесятилетний рубеж, но стариком отнюдь не выглядел. Благородная седина лишь отчасти тронула его короткую черную бородку, несколько глубоких морщин пересекали широкий лоб с выраженными надбровьями. С возрастом человек погрузнел, однако вовсе не казался толстым или обрюзгшим – его широкая стать еще вполне годилась и для сабельного боя, и для ублажения чернооких девиц из сераля. Глубоко посаженные круглые глаза, казалось, принадлежали не владыке, к чьим словам прислушивался весь Восток, да и Запад тоже, а скромному поэту или мелкому чиновнику двора халифа: не замечалось в них ничего величественного или грозного. Таков

был султан Египта, а ныне и иерусалимский эмир, Салах-ад-Дин. С недавнего времени – самая заметная фигура исламского мира.

– Какой дорогой ты приехал? – поинтересовался султан у гостя, и вдруг, наклонившись, поднял стоявший на полу у ножек стола кувшин, заметив: – Это вино. Вы, франки, без него никак не можете обойтись. Пришлось запасти... Кажется, один из древних мудрецов Иудеи, сказал, будто вино может совратить даже праведника?

– Справедливо: об этом говорится в книге Экклезиаста... Твое внимание ко мне, владыка, не имеет пределов, – приезжий принял сосуд не без удовольствия. Теплая вода с медом вызвала у него легкое отвращение. – Понимаю, отчего ваш пророк запретил мусульманам употреблять сок виноградной лозы. Беспокоился, что в мире не останется праведных... Дорога?.. Тяжело и долго, как ни жаль в этом признаваться. Сначала в Константинополь, затем морем до Аскалона, и конным путем – сюда.

– Ты мог бы довериться близким людям, а не заниматься всеми делами самостоятельно, – справедливо предположил Салах-ад-Дин. – Неужто у франкского эмира не найдется друзей, способных поддержать его в трудный час?

– Есть, конечно... Однако не мне говорить о том, что наш общий замысел не стоит доверять вообще никому, кроме Господа Бога.

Султан скрыл в бороде незаметную улыбку. Здесь гость абсолютно прав, ибо если их замыслы каким либо образом станут известны, проще будет броситься на свой клинок, не дожидаясь, когда тебя побьют камнями. Двое людей, находившихся в башне Давида, знали, чем рисковали и какой невероятный куш был поставлен на кон.

– Иса не Бог, Иса – пророк, – добродушно поддразнил Салах-ад-Дин гостя. Тот не клюнул, явно не желая заводить бесполезный спор.

– Прости, но я думаю по-другому, – вежливо ответил путешественник, слегка поморщившись. – Пусть разговоры о божественных сущностях ведут ваши ученые муллы и священники из Рима, когда на этой земле установится прочный мир и любой мусульманский дервиш сможет начать богословскую беседу с монахами святого Бенедикта.

– Ты веришь, что так будет? – султан неожиданно резко подался вперед, в его темных глазах загорелся подозрительный огонек. – Мы уже три года трудимся, бесполезно сражаемся, отбираем друг у друга крепости, льем реки крови мусульман и христиан, чего-то ждем!.. И я не вижу никаких результатов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.